

*Cogito,
ergo sum*

ИСТОРИЯ
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Пьер Шоню

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Пьер Шоню —
член Академии, заслуженный профессор
Университета Сорбонна — Париж 4

АСТ · Астрель
Москва

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(70)
П178

Книга «Histoire de l'Amérique latine»
впервые опубликована
на французском языке в 1949 году,
на русском языке – в 2008 году с разрешения
Presses Universitaires de France (Франция)

Шою Пьер

П178 История Латинской Америки / Пьер Шою:
пер. с фр. Е. А. Ермаковой. – М.: Астрель : АСТ,
2008. – 160 с. (Cogito, ergo sum: «Университет-
ская библиотека»)

ISBN 978-5-17-054734-0 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-20004-5 (ООО «Издательство Астрель»)

В книге известного французского историка Шю-
лы анналов представлена история такого обширного ре-
гиона, как Латинская Америка, от эпохи конкистадоров
до послевоенной эпохи XX века. Кратко и наглядно по-
казаны этапы ее драматического прошлого и тенденции
развития, которые читатель, со своей современной по-
зиции, может соотнести с реально осуществившимися
фактами.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(70)

*Издание подготовлено к публикации при участии
ООО «Агентство прав «У-Фактория»*

ISBN 978-5-17-054734-0 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-20004-5 (ООО «Издательство Астрель»)

© Presses Universitaires de
France 1949
© «Издательство Астрель»,
2008

Введение Встреча двух миров

От 32° северной широты до 54° южной широты Латинская Америка покрывает 21 млн 173 тыс. кв. км суши. Именно так называют огромную часть (15,9%) американского континента, открытого, заселенного и колонизированного иберийскими, испанскими и португальскими народами.

Говорить о Латинской Америке — это признать факт единства этого мира в противовес англосаксонской Америке и существования 215 млн человек, которые в основной своей массе говорят на более или менее измененных иностранцами кастильском и португальском языках. Можно было бы писать истории нескольких Латинских Америк, но, коль уж есть возможность выбирать, мы хотим написать именно историю Латинской Америки, поскольку считаем, что единство в конечном итоге берет верх над разнообразием.

Латинская Америка располагается на изолированном новом континенте между двумя огромными водными пространствами Атлантики и Тихого океана. (Самый большой из всех островов,

как говорят американские историки. Основанные по одной орографической схеме «север — юг», обе Америки представляют собой переход от запада к востоку; это территория огромных горных массивов третичного периода, огромная, недавно возникшая равнина, древние скалы. И та же неизмеримость. На этом и заканчиваются аналогии между двумя Америками.

Латинская Америка, в отличие от Америки англосаксонской, — тропический континент, с чем связаны определенные ограничения: ограничение площади возделываемых территорий, ограничение полезных ископаемых, ограничение возможностей человеческой деятельности, особенно в отношении евронейцев, оказавшихся здесь вне привычного для них чередования времен года; за пределами пампы. Латинская Америка — это Америка плато. Две великие цивилизации, с которыми столкнулись испанцы, были также цивилизациями плато. Майя и ацтеки Мексики, чибча Колумбии, инки в Андах в противоположность населению долины смогли достичь высокого уровня культуры.

При контакте с испанцами, пионерами среди евронейских завоевателей, этот мир разрушился. Самые блестящие индейские цивилизации с поразительной быстротой уступили дорогу евронейской культуре. Можно ли это объяснить природной слабостью человеческой натуры индейцев? В ней пытались видеть возможности, отличные, если не более выдающиеся, чем у жи-

телей Старого Света. Не хватило времени — именно оно, будучи главной причиной провала, принесло успех Колумбу.

Не важно, каким было происхождение расы индейцев, пришла ли она из Азии, через Алеутские острова, через Аляску или пересекла Тихий океан «от острова к острову» на своих пирогах. Все авторитетные ученые сходятся во мнении об относительно молодом возрасте индейской расы. Первое освоение Америки человеком, пришедшим из Азии, относится к самому концу палеолита и заре неолита, XV—X века до н.э. Островной характер Нового Света, удаленного от центра развития евроазиатского типа человека, объясняет молодость доколумбовой расы и, следовательно, ее слабость.

В конце XV — начале XVI века индейцы с плато в совершенстве владели мастерством обработки меди, золота и серебра, но не знали железа. Природа не предоставила в их распоряжение, как это было с населением Старого Света, мускульную силу быка и лошади. Никакой связи одного народа с другим, никаких внутренних социальных связей, никакой личной собственности, связывающей человека с землей, — цивилизация, которая, как в случае с ацтеками, не верит в себя и которая может противопоставить христианскому оптимизму лишь основополагающий пессимизм своей устрашающей мифологии. Борьба между индейцами и испанцами, представителями европейской цивилизации, находящейся в самом разгаре технической рево-

люции, — это борьба железного котелка против глиняного горшка.

Европа по ту сторону Атлантики только что вышла из периода, который мы называем Средними веками. А на крайней западной оконечности Европы Пиренейский полуостров, контактировавший с арабским миром, питавшим его в течение восьми веков, только что завершил Реконкисту взятием Гренады (1 января 1492 года). Бракосочетание католических королей Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского стало первой попыткой объединения Испании.

Эти две неравные части человечества развивались параллельно, не пересекаясь. Они вошли в соприкосновение в конце XV века благодаря иберийскому посредничеству. Западное христианство, разумеется, несет ответственность за эту встречу, произошедшую, впрочем, случайно.

Демографический рост, начавшийся с XII века, вынуждает западное христианство искать решения. Мусульманский вызов на юге, а затем на востоке вместе с приростом населения приводит в действие глубокие психологические механизмы экспансии. В приморских городах постепенно появляются приспособления для плавания в открытом море: каравелла, управляемая с помощью руля с ахтерштевнем, компас и первые изобретения, которые позже, значительно позже, дадут начало астрономической навигации. Рост экономики стимулирует пристрастие к пряностям и потребность в презренном металле. Ибе-

рийский полуостров — скорее Португалия, чем Кастилия — дает этому коллективному вызову ответ на море. Колонизируются Мадейра, Канарские и Азорские острова, так называемые «сахарные», для которых требуются рабы. Исследуется африканское побережье на предмет прямого сообщения с Суданом с целью получения золота и людей. Именно во время этой разведки берегов Африки, приблизительно между 1460 и 1470 годом, рождается идея прямого пути в Индию, минуя арабов.

Чтобы обеспечивать себя пряностями более безопасным и в то же время более дешевым способом, чтобы добывать золото, необходимое для покупки пряностей и для Крестовых походов, чтобы протянуть руку христианским государствам, которые, согласно легенде, находились очень далеко на востоке, нужно было отправляться в Индию, где воспламенное воображение христианства поместило золотые горы Сипанго.

Чтобы отправиться в Индию, бывшую решением всех проблем, имелось два способа. Португальские власти избрали путь мудрецов — отправиться на юг с целью обогнуть мыс. Это решение осуществил Васко да Гама в 1498 году. И путь сумасшедшего — отправиться в Индию через запад, потому что земля круглая. К этому решению Колумбу удалось склонить Изабеллу Кастильскую.

Таким образом, 11 октября 1492 года Христофор Колумб отправился на поиски Сипанго

и его золотых гор, на поиски Индии и ее пряностей, а наткнулся на крошечный островок в Багамском архипелаге и, сам того не зная, случайно открыл Америку.

В точке столкновения индейской и иберийской рас родилась Латинская Америка.

Часть первая

**Колониальная
Латинская
Америка
(1492—1808)**

Если Латинская Америка является результатом синтеза, который произошел, без сомнения, в ущерб прежде всего индейскому элементу, то складывалась она именно в течение трех с половиной веков своей колониальной истории. Нельзя приуменьшать значение этого периода, потому что он придал Латинской Америке ее главные характерные черты. В течение этих трех веков оба элемента, индейский и иберийский, смешались, в результате работорговли были завезены чернокожие рабы, и Латинская Америка стала и осталась впредь страной с деструктивной экономикой.

Колониальная эпоха была также крайне важна для становления первоначального единства. В течение менее чем пятидесяти лет невиданной доселе авантюры конкистадоры, влекомые своей безумной мечтой о наживе и идеале, разъезжая из конца в конец, вдоль и поперек, разведывая самые глухие закоулки и создавая владения, соразмерные масштабам континента, закончили в общих чертах завоевание Латинской Америки. Что касается 1550—1808 годов, здесь следует рассмотреть историю статистики, историю, события которой развиваются с величественной медли-

гельностью. точнее сказать, развиваются в глубину в социальных структурах рождающегося мира. Если принять классификацию трех типов истории, которую предлагает Фернан Бродель: историю событий, историю структур и цено-движущую историю, то, без сомнения, к этому третьему типу надо отнести три века колониальной испано-американской истории, охватывающей события от окончания авантюры конкистадоров до революции XIX века.

Эти соображения выстраивают наш план: после века конкистадоров, который закончился к 1550 году, мы представим картину этой неподвижной колониальной Америки в двух аспектах: сначала — руководство завоеванием; затем — колониальное общество.

Глава 1
Век конкистадоров
(1492—1550)

I. Империя островов и побережья
(1492—1519)

24 декабря 1492 года Христофор Колумб основал на острове Эспаньола (современный Сан-Доминго) скромную колонию Навидад. Несколько человек, хибарка: прообраз империи, «над которой никогда не заходит солнце». Затем Колумб вернулся в Испанию, где был принят с триумфом католическими королями.

Открытые по дороге в Индию земли он отдавал с целью сделать из них владения Испании, главным образом в отместку королю Португалии, Жуану I. Португальцы многие годы искали на юге дорогу в Индию, а испанцы, которым благоволил случай, играючи получили то, чего их западному соседу не удалось добиться годами усилий. Католические короли обратились к папе, высшему авторитету, за которым гражданское право сред-

невсковой Европы признавало власть разделения земель, которого не имел ни один христианский владыка. Их целью было узаконить владение своими новыми завоеваниями, а также будущими, которые они надеялись приобрести на пути, проторенном Христофором Колумбом. К тому же разве король Португалии не владел уже целой кипой булл, утверждающих его власть над побережьем Африки?¹ Случай был превосходным; испанский папа Александр VI занимал трон понтифика, пост, которого он добился не добродетелью, не своим состоянием, а лишь благодаря интригам католических королей.

Чтобы покончить с угрозами португальцев, испанские дипломаты без труда добились от папской курии целой серии булл (май 1493 года), последняя из которых, булла *Inter coetera*, четко определила владения испанцев и португальцев. Она проводила между ними идеальную линию, соединяющую оба полюса и проходящую через точку, лежащую на расстоянии 100 лье западнее островов Зеленого Мыса: все недавно открытые земли к западу от этой линии принадлежали Кастилии. Испанское решение восторжествовало совершенно очевидным образом. Португальский король был ущемлен, папство отрекалось от своих обещаний, данных в 1481 году. Чтобы успокоить ярость Жуана II, католические короли под-

¹ Буллой *Aeternis Regis* от 1481 года король Португалии получил право на пользование всеми землями к югу от Канарских островов и на западном побережье Гвинеи, чтобы нести туда христианскую веру.

писали 7 июня 1494 года Тордесильяский договор о разделе, который слегка изменил условия буллы понтифика. Демаркационная линия была перенесена еще дальше на запад и проходила отныне в 370 лье от островов Зеленого Мыса. Именно на основании булл от 1493 года Испания претендовала на полное владение Кастильской Вест Индией. Именно на основании этих булл, несколько измененных Тордесильяским договором, португальцы обосновывали свое право на поселения на берегах Бразилии.

24 апреля 1500 года португалец Педро Альварес Кабраль, отправившийся на юг, случайно пристал к берегу Бразилии в Порто Сегуро, недалеко от современной Бани. Девятью годами позже Диего Альварес Корреа, выброшенный на берег недалеко от того места, где когда-то высадился Кабраль, заключил договор с туземным правителем и создал первую семью метисов. Он был подлинным основателем Бразилии. Другой португалец, Жоао Рамальо, поступил точно так же в районе Сан-Паулу. В 1526 году Алехо Гарсиа, высадившийся на территории современной Санта-Катарины, отправился на поиски золота во главе отряда туземцев. В том же году Кристовайо Жак, испанец, находившийся на службе у короля Португалии, основал около местечка Пернамбук плантацию сахарного тростника. Скромно и медленно зарождалась португальская империя в Америке, согласно Тордесильяскому договору о разделе. Португальцы, которых больше интересовали коммерческие перспекти-

вы Вест-Индии, чем эксплуатация нового континента, поздно поняли значение владений, которые им предоставил на западе все тот же случай.

Завоевание Америки было прежде всего делом испанцев. Убежденный в том, что он достиг аванпостов Индии, Христофор Колумб упорствовал в своем мнении. Три раза он возвращался в Вест-Индию, закончив подробное исследование берегов американского средиземноморья. Попавший в немилость, он умер, так и не поняв своей ошибки. В течение тридцати лет, последовавших за первым путешествием Колумба, испанцы овладели Большими Антильскими островами. Америго Веспуччи, который дал свое имя Новому Свету, Охеда, Хуан де ля Коза, Нуньес де Бальбоа, который первым достиг берегов Тихого океана, были поражены, увидев, что перед ними возник новый континент.

Для испанцев он был пока лишь препятствием на пути за пряностями, препятствием, которое нужно было огибать. Именно такой была задача, которую пытался решить для выгоды короля Испании (1519—1521) португалец Магеллан (Фернандо де Магаланьес). Из его путешествия нам достаточно вспомнить решительные шаги, которые он предпринял для изучения континента, и права, которые он дал своему государю на будущие Филиппинские острова, этот далекий придаток Новой Испании, которая только лишь намечалась в тот момент, когда Магеллан покидал европейские берега.

II. Завоевание империй (1519—1550)

1. Завоевание Новой Испании. В 1519 году завершился этап первых шагов. Разочарованные Антильскими островами, на которых они не нашли то, что искали, неспособные содержать плантации с помощью туземной рабочей силы, таявшей на тяжелой работе как снег под солнцем², замороженные рассказами туземцев, желавших им поправиться, а также движимые желанием завоевать новые души для Христа и попасть на небо, оставляя золото на дне «Долнины слез», испанцы отправили множество неудачных экспедиций на мексиканское побережье (1517—1519).

Испанцы столкнулись в самом сердце индейского мира с высокоразвитыми цивилизациями плато. На плато Мексики, где на высоте 2—3 тыс. метров над уровнем моря находятся *tierras frias* (залежа-

² Трудно определить даже приблизительно количество изначального населения Антильских островов. Цифра 300 тыс., выдвигаемая большинством американских историков (см., в частности: A. Curtis Wilgus, p. 151), ничем не обоснована. Реальное значение значительно выше и приближается, возможно, к 500 тыс. человек только на острове Сан-Доминго. На Сан-Доминго в 1510 году насчитывается 50 тыс. человек, а в начале 1530-х — 16 тыс. Практически менее чем через десять лет. Та же самая картина характерна и для остальных островов Антильского архипелага (см.: P. Chaunu, *Séville et l'Atlantique*, t. VIII, 1, p. 495 sq.).

ные земли), бок о бок сосуществовали две блестящие цивилизации.

Более древняя и утонченная цивилизация майя была постепенно оттеснена на побережье. Но когда Кортес высадился на мексиканском берегу, ацтеки только что заложили фундамент своего военного владычества. У нас часто складывается ложное представление об этом внезапном взлете, отметившем час величия ацтеков, которое, возможно, не имело будущего. Это была жестокая культура на пике своего развития, которую уничтожила кастильская авантюра, возможно, ей не хватило времени, чтобы преодолеть стадию кровавого пессимизма, на которой она задержалась до XVI века. Это была одновременно рафинированная и варварская религия: культ солнца и луны, причудливый пантеон жестоких богов, которые требовали от верующих кровавых жертвоприношений и ведения войн с целью получения пленных, которые предназначались для жертвоприношений, являвшихся культовой необходимостью.

Во главе этого военно-теократического государства стоял император, которого выбирал совет старейших из семьи избранных. Земля, основа всякого богатства, принадлежала богам и государству; клан распределял то, что ему оставляли владыки. Часть рабочей силы формировалась из рабов, бывших военнопленных или осужденных за уголовные преступления.

Техника не достигла еще эпохи железа.

Чтобы справиться с ацтеками, Веласкес, губернатор Кубы, обратился к Эрнандо Кортесу — са-

мой примечательной фигуре среди конкистадоров.

Родившийся в 1485 году в Эстремадуре, Эрнандо Кортес происходил из мелкого дворянства; семья отправила его в Саламанку изучать право, но он чувствовал непреодолимую тягу к военной профессии и в конце концов отправился на Испанью, где показал свою отвагу и тягу к удовольствиям. Одаренный неукротимой энергией, абсолютной верой в свою судьбу, Кортес соединял в себе жажду наживы с пылкой верой испанца.

Он повсеместно самоутверждался с особой агрессивностью. Кортес, вызванный Веласкесом, торопил свое отплытие из Сантьяго (18 ноября 1518 года) и провел три месяца на побережье Кубы, комплектуя свои отряды в поместье своего начальника, и никто не осмеливался оказывать ему сопротивление, так как все знали, что он человек решительный и способен действовать без всякого зазрения совести. Такой была личность американца в начале XVI века, не желающая подчиняться никакой централизованной власти.

Средства, которыми он располагал, могут показаться смехотворными: 11 кораблей водоизмещением 100 тонн, 600 солдат, из которых не все были испанцами, 100 пушек, 16 лошадей, 2 переводчика. Его козыри — техническое превосходство, ужас, производимый на неискушенные души огнестрельным оружием и лошадьми, разобщенность противника и, особенно, воодушевление испанских войск и авторитет командира.

В феврале 1519 года Кортес высаживается на побережье Юкатана. Узнав о богатствах ацтекской империи Монтесумы, он решает напасть на нее, вопреки мнению своих людей, предварительно заручившись помощью со стороны муниципалитета только что основанного города Вилла-Рика-де-Веракрус.

Совершив легендарный рейд через страну, где он сумел использовать, как Цезарь, разобщенность туземцев и ненависть, вызванную властью ацтеков, Кортес 8 ноября 1519 года он проникает в Теночтитлан (Мексика), расположенный на острове посреди озера. Он захватывает Монтесуму, возвращается в Веракрус, чтобы избежать опасности карательной экспедиции, посланной Веласкесом, и возвращается вовремя, чтобы подавить не без труда общее восстание индейцев, раздраженных идолоборством и алчностью своих новых хозяев. Кортес, оправданный своей победой, а в еще большей степени захваченными племенами и добычей, назначен «губернатором» и наделен неограниченной властью с целью укрепления и завершения своих завоеваний.

Империя Монтесумы благодаря своему центральному положению становится отправной базой для новых завоеваний к югу и к северу. На юге Педро де Альварес, Кристобаль де Олид и сам Кортес стараются соединиться с силами, находящимися на перешейке, в то время как в Мексике усиливаются интриги против губернатора, наделенного слишком большой властью. В 1526 году Кортеса замещают чиновником, ничем не выдающимся

Дуном Понсом де Леоном. Ни маркизат, созданный в долине Оахака, ни огромное состояние не могут утешить Кортеса. Тем временем в Новой Испании завершается эра конкистадоров. 13 декабря 1527 года в Новой Испании учреждена первая *audiencia* (высокий суд), завоевания уступили место организации.

Но завоевания продолжались и на севере, и тоже в поисках более или менее мистических богатств, которые, заманив испанцев через Атлантику, вели их теперь на континент. В 1539 году Франсиско де Уллоа устремляется по следам стареющего Кортеса на побережье современной Калифорнии. На поиски «семи городов», Сиболы, Квивира и других более или менее сказочных северных стран отправились многие — никто из них не вернулся. Некто Пуньо Бельтран де Гусман (1529--1530), некто Пуньес Кабеза де Вака (1539—1542), некто де Сото, более удачливый в своих странствиях по юго-западу современных Соединенных Штатов в погоне за индейцами и золотом... Всех их, более или менее удачливых, вела одна героическая и жестокая мечта.

2. Завоевание Новой Кастилии, то есть не только Перу, но в широком смысле всей испанской Южной Америки, имеет прямые аналогии с завоеванием Новой Испании. Та же движущая сила: поиски золота, осуществлявшиеся с еще большей жестокостью, без всякой тени религиозного идеализма. Здесь сильной личнос-

тью был Франсиско Писарро. Ему тоже предстояло одолеть сильное государство — империю инков — и разрушить две развитые индейские культуры: культуру инков и культуру чибча.

На высокогорных равнинах современной Колумбии располагалась цивилизация чибча — миролюбивых искусных земледельцев, живших патриархальным укладом. Но великой цивилизацией доколумбовых Анд, цивилизацией плато по преимуществу, оставалась цивилизация инков, которая занимала всю центральную часть Анд, от экватора до севера Чили, и колыбелью которой была узкая полоса земли в 3 тыс. метров, протянувшаяся от Куско до озера Титикака. Империя инков была теократическим государством с неограниченной властью класса жрецов.

Цивилизация инков поражает нас одновременно своей экономической и социальной организацией, своим аграрным государственным коммунизмом и размахом коллективного труда. Земля была разделена на три неравные части: одна отдавалась богу солнца, другая — императору, третья — народу. Каждая семья получала надел пропорционально ее потребностям. Частной собственности на землю не существовало, что имело свою сильную и слабую сторону. Сильная сторона состояла в том, что государственный строй инков давал возможность для широкомасштабного коллективного труда, благодаря которому создавались дворцы, храмы, сети мощных дорог, крепости в стратегических пунктах, организовывалось террас-

ное земледелие и строились акведуки для подачи воды в города и для орошения земель. Но в этом была и слабость, поскольку земледельцы превращались в массу, подобную стаду овец, готовую подчиняться любым требованиям и, фактически, сменить хозяев.

Франсиско Писарро был неграмотным бастардом родом из Эстремадуры. Он слышал в Панаме разговоры о богатствах страны инков. С помощью двух авантюристов — Диего Альмагро, такого же неграмотного, как и он, еще более жадного и свирепого, если такое, конечно, возможно, и Эрнандо де Люка — он организовал экспедицию на юг. Получив недостаточную поддержку властей перешейки, они потерпели неудачу. Несмотря на враждебность местной администрации, Писарро отправился в Испанию, где 26 июля 1529 года добился королевских «капитуляций», оформленных по всей форме, которые возлагали на него миссию присоединения к испанским владениям империи инков и предоставляли ему полные права на полосу прибрежной территории шириной в 200 лье. Альмагро получил значительно меньше. Раздел 1529 года нес в себе зародыш будущих раздоров.

Когда Писарро выехал из Панамы в январе 1531 года, с ним было 180 человек и 37 лошадей, то есть еще меньше, чем у Кортеса, для этой огромной и труднодоступной страны. Плато, зажатое между отрогами гор высотой более 6000 м, простирается на высоте от 3 до 3500 м над уровнем моря. Несмотря

на это, Писарро удалось за два года обманом и жестокостью разрушить империю инков.

Чтобы стать хозяевами страны, испанцам понадобилось десять лет гражданской войны, которая залила землю кровью. Писарро и Альмагро погибли. Королевской власти оставалось лишь пожать плоды авантюры Писарро, точно так же как десятию годами ранее она воспользовалась результатами завоеваний Кортеса в Новой Испании.

Империю инков на юге и покоренная империя ацтеков на севере играли одну и ту же роль. Она стала базой для рейдов Белалькаса, Федермана, Орелана, знаменитых строителей индейской Кастилии, в то время как Педро де Мендоса основал Буэнос-Айрес (1533), чтобы получить более удобный подход к сокровищам Перу.

К 1550 году завоевание континента было практически закончено с испанской стороны. Португалия занимала лишь узкую полосу берега вдоль Атлантики; между Андами, сердцем индейской Кастилии, и краем бразильского плато огромная территория продолжает упорствовать до такой степени, что португальцы, оставив открытые военные действия, перенесли границу империи на многие километры от линии Тордесильяса. Араукан сопротивляется, он будет сопротивляться до XIX века. Патагония, Пампа надолго остаются владением *indios bravos*, диких индейцев. На протяжении второй половины XVI века и следующих веков Новая Испания будет углубляться во Флориду, в Калифорнию. Новую

Мексику. Тем не менее в 1550 году великое предприятие было завершено, век конкистадоров закончился, началась организация и эксплуатация завоеванных земель.

3. Характер завоеваний. Иберийцы, особенно испанцы, за тридцать лет, с 1519 до 1550 год, изъездили во всех направлениях 24 млн кв. км своих владений, пространственные границы которых были более или менее окончательно определены.

Поражает стремительность этой невероятной авантюры, осуществленной при столь незначительных средствах. Кортес отправился на штурм империи ацтеков с 600 человек, Писарро взялся «за штурм империи Анд» со 180. Другие великие пожиратели пространств никогда не имели под своим командованием больше горстки авантюристов; и с этими незначительными армиями они обошли ловушки незнакомой и враждебной страны, созданной по нечеловеческим меркам: Писарро прошел одну за другой долины побережья до плато в глубине континента. Орелано просекает десятки тысяч лье по лесам Амазонки, постоянно сталкиваясь с неизведанным. Победы одерживались не только над отстающими подчас народами в центре Южной Америки и на ос гровах, но и над народами, достигшими довольно высокого уровня и сложной социальной организации, например над инками. Борьба горстки голодных и изнемогающих от усталости людей против массы. За этой полной победой следовал повсемест-

ный, всеобщий крах туземной культуры. Этот результат объясняется, возможно, не столько техническим превосходством, сколько превосходством человеческого фактора.

Превосходство нескольких индивидуумов, ведущих за собой алчные армии. Завоевание Вест-Индии было по преимуществу делом *Virtil*. Оно происходило вне и чаще всего против воли нарождающейся колониальной администрации, а в случае с Кортесом — против воли самого короля. Только личная инициатива за один век с короткими промежутками от нескольких месяцев до нескольких лет смогла довести до благополучного конца дело завоевания.

Движущей силой этого завоевания была не столько жажда приключений, не столько миссионерское рвение, сколько жажда наживы. Как и Христофор Колумб, конкистадоры отправились на поиски золотых гор, которые уводили их все дальше к горизонту, пока в конце концов не привели на край света. Увлеченные этим миражом, они смогли привлечь в свои ряды несколько тысяч крепких, но недалеких мужчин, с которыми они пересекли и завоевали Вест-Индию. Индейцы, то ли стараясь задобрить сомнительного хозяина, то ли желая отправить подальше навязчивого гостя, помогали испанцам продвигаться все дальше вглубь на поиски их мечты: золота ацтеков, золота инков, миражей севера, миражей юга, Семи Городов и Эльдорадо, а также рабов.

Гонясь за сокровищами, испанцы завоевали свои владения в течение тридцати лет. В иберий-

ской Америке завоевание предшествовало колонизации, в англосаксонской Америке «колонизация предшествовала завоеванию». Англичане вступили во владение своей частью Америки век спустя после испанцев. Через два столетия, в конце XVIII века, «тринадцать колоний» еще не выходили за пределы предгорий Аппалачи. За два века англосаксы продвинулись на 200 км вглубь страны, а кастильцы прошли весь континент насквозь за тридцать лет. Англосаксонская колонизация — это колонизация заселения. Отцы-переселенцы с *May Flower*^{*} и их конкуренты пришли на американскую землю, чтобы обрести здесь свою родину, где бы они жили как у себя дома, спасаясь от религиозных преследований или убегая от кредиторов. Заселение было непрерывным. Движение к западу, вызванное потребностями сельскохозяйственной колонизации, напоминало медленно растекающееся масляное пятно. Безрассудное завоевание запада, век конкистадоров для англосаксонской Америки начался в основном только в XIX веке вместе с технической революцией транспорта. Для англосаксонского земледельца, нуждающегося в земле больше, чем в золоте, «лучшим индейцем был мертвый индеец». Для кастильца, жаждущего золота больше, чем земли, индеец был соратником, который был необходим во время исследования

* *May Flower* («Мэйфлауэр») — название судна, на котором в Америку прибыли первые переселенцы из Англии. — *Ред.*

и добычи богатств и с которым временами грубо обращались.

Иберийское завоевание было сделкой. Союз с индейцами был физиологической необходимостью: Америка метисов против Америки белых, два ритма жизни, два ритма производства. Освоение англосаксонской Америки шло параллельно с захватом земель. Земли Латинской Америки были полностью захвачены до ее освоения. Она поставила неразрешимые задачи перед своим освоением. Черты, приданные Латинской Америке тридцатью годами завоеваний, еще более усилились в течение двух с половиной веков колониальной истории.

Глава 2

ОБУСТРОЙСТВО ЗАВОЁВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Колониальная история Кастильской Вест-Индии и колониальная история Бразилии являются потрясающе совпадения. Ничто так не похоже на испанскую колониальную систему, как колониальная система Португалии. Фактически существовала колониальная система, политически и экономически присущая «старому режиму» и выходящая за иберийские рамки; ее часто называли колониальным пактом: колонии экстендуатруются метрополией и приносят ей доход, являются для нее источником дешевого сырья и сферой сбыта ее промышленных товаров по выгоднейшим ценам. В целом она соответствовала триумфу на континенте системы меркантилизма, для которой благоприятный коммерческий баланс является наиболее надежным выражением национального процветания. Если в Испании и в Португалии ее очень скоро ослабили необычайно возросшие масштабы контрабанды -- при-

чем не в теории, а на практике, — то это потому, что Испания и в еще большей степени Португалия проявили себя очень рано, уже с XVII века, неспособными снабжать свои колонии необходимыми промышленными товарами.

Колониальная система, основанная Испанией, осталась одной из самых примечательных, которые были задуманы в современном мире, потому что иберийские страны были подготовлены к делу, которое их ожидало. Новые страны и передвижение границ, которыми необходимо было управлять, которые нужно было вновь заселять после завоевания. Население, которое надо было обратить в свою веру, переплавить в своем национальном тигле или уничтожить. Полуостров представлял собой Вест-Индию в миниатюре в течение восьми веков. Испания подготовила за восемь веков Реконквисты, чтобы решить проблемы колониальной администрации, учреждения, которые ей достаточно было частично перевести в Вест-Индию для решения подобных задач. История учреждений в Вест-Индии излагает вкратце за восемь веков тысячелетнюю историю учреждений полуострова.

I. Административная организация Кастильской Вест-Индии

Ее основы были заложены в царствование католических королей и Карла V. Благодаря булле Александра VI (1493) Вест-Индия всегда рассматривалась как личная собственность кас-

тильской короны. Вест-Индия уже была кастильской до того, как стала испанской; она была собственностью короля, который создал для ее управления целую серию специальных институтов, развитие которых шло параллельно развитию учреждений метрополии. Король жаловал тех, кто изъявлял желание покорить для него части его владений; он раздавал своим приверженцам земли вместе с индейцами (так родилась энкомьенда¹). Власть над Вест-Индией, дарованную буллой Александра VI, король осуществлял с помощью институтов, аналогичных организациям метрополии.

Первой была учреждена Палата договоров (Casa de la Contratación). Созданная в 1503 году, она состояла из казначея, контролера и секретаря (первичное ядро, вокруг которого группировались другие чиновники). Она визировала морские и торговые отношения между Вест-Индией и метрополией, обеспечивала организацию и защиту транспорта по пути в Америку и следила за поступлением королевских доходов, а также за обменом административной корреспонденцией между Испанией и Вест-Индией. Она играла роль навигационной школы и института океанографи-

¹ Энкомьенда (*исп.* *encomienda* – пощечение, защита) – форма эксплуатации индейского населения в испанских колониях в Америке в XVI–XVIII вв. В этой системе индейцы обязаны были платить оброк, отбывать барщину на рудниках или в имениях *энкомьендеро* (поручника). Энкомьенда была отменена в XVIII в., но практически сохранялась до начала XIX в. – *Ред.*

ческих исследований, а позже — королевского суда в сфере торговли с Вест-Индией. Создание поста президента трибунала Палаты договоров, обязанного обеспечивать координацию с Советом Индии, было решающим этапом в построении этого все более и более усложняющегося органа. Созданная королевской властью, Палата тем не менее противопоставляла королевской власти силу удивительной инерции, секретом которой уже владела испанская администрация, самая древняя и изначально самая эффективная из всех администраций старого режима.

Совет Индии (Consejo de Indias) возник как простой придаток Палаты, как комиссия, обязанная следить за администрацией Вест-Индии. Созданный в царствование Фердинанда, в 1511 году, он окончательно оформился лишь в августе 1524 года, чтобы воспринять наследство Хуана Родригеса де Фонсеки. Личный враг Христофора Колумба, законовед, всецело преданный интересам своего владыки, он с 1493 года исполнял должность министра колоний без портфеля. Со смертью де Фонсеки в марте 1524 года это место освободилось; его занял Совет Индии. Все девять членов Совета сопровождали короля во всех его разъездах. Он был эквивалентом Совета Кастилии для Индии. Под председательством короля, прямо или косвенно, он готовил законы и предписания относительно Нового Света, узаконивал приказы короны, письменно оформлял административную корреспонденцию, исходящую от ор-

ганов Палаты, выдвигал кандидатов на посты колониальных чиновников, работал как верховный суд.

Такими в основном были органы, которые оформляли в должном виде королевскую волю и передавали ее местным административным органам. История администрации Вест-Индии повторяет с некоторыми нюансами, которые объясняются временем и расстоянием, административную историю Испании. В царствование католических королей и в первые годы правления Карла V монархическая централизация принесла Испании решительную победу над центробежными силами дворянства и городов; этот эпизод иберийской истории затронул основные страны Западной Европы — какие-то раньше, какие-то позже. В Вест-Индии администрация конкистадоров и *аунтальенто* (муниципальные советы) только что созданных городов были вынуждены уступить место администрации вице-короля.

Завоевание Вест-Индии осуществлялось с помощью авантюристов, конкистадоров, которые получали титул *аделантадо* (зачастую одновременно с титулом губернатора или генерала). В истории средневековой Испании *аделантадо* был губернатором пограничной провинции, назначаемым непосредственно королем; теоретически его полномочия были безграничны. Колониальные *аделантадо*, как и иберийские, тоже назначались непосредственно королем, но находились вне досягаемости какого-либо кон-

троля со стороны короля на части владений Вест-Индии, которую должны были покорить, и пользовались властью, ограниченной только трудностями передвижения в собственных владениях и городскими администрациями, аюнтамьенто.

Испанцы, высаживаясь на берега Америки, тут же основывали города с администрацией, независимость которой еще больше возрастала из-за расстояний. Мозес³ мог писать без всякого преувеличения: «В английских колониях Америки города росли для нужд деревенских жителей, в то время как в испанских колониях сельское население увеличивалось из потребностей городов». Городом управлял Совет, куда входили от четырех до двенадцати *regidores*, под председательством *alcalde mayor* (старшего алькальда) с помощниками — *alcaldes ordinarios* (рядовыми алькальдами), вершившими правосудие. Они составляли аюнтамьенто, или *кабильдо*, как их стали вскоре называть. Кортес, попавший в немилость из-за Веласкеса, восстановил аюнтамьенто города Вилла-Рика-де-Верacruz накануне своего броска в Мексику. Кабильдо посылали представителей в Совет Индии по несколько раз, чтобы сообщить о своих пожеланиях, и очень часто досаждали правительству прошениями коммерческого характера.

³ Moses, *Spanish Dependencies*, т. II, p. 370, цит. по: Merriman, *Rise of Spanish Empire*, т. III, p. 638.

Первая половина XVI века была для Вест-Индии самой прекрасной эпохой муниципальной автономии, пока королевская власть не ограничила ее — подобный процесс происходил в метрополии уже в XIV и XV веках. Тем не менее Вест-Индия, возможно, сохранила воспоминание об этом первом опыте самоуправления, которое пробудилось позже во время войны за независимость.

Королевская власть ограничила не только муниципальную автономию, но и практически феодальную власть конкистадоров. Так постепенно в течение XVI века сформировалась новая администрация, занявшая место прежней в силу целого комплекса потребностей, искусно поддерживая равновесие между властями и искусно ограничивая себя, предоставив свободу решения далекому королю, чтобы сократить до минимума огромный недостаток, который продолжал существовать: мощь этого огромного водного пространства, парусной Атлантики, и еще более уступающая мощь земли, пролежавшей между главой Совета Индий и исполнительными агентами.

Королевская власть осуществлялась с помощью *audiencia* и вице-короля.

Первоначально *audiencia* была судом. Декрет от 15 октября 1511 года учредил первую *audiencia* в Новом Свете. В 1527 году была введена *audiencia* в Мехико, в 1535 году — в Панаме, в 1642 году — в Лиме и т.д. В 1550 году функционировали шесть *audiencia*. Остальные были созданы позже одно-

временно с проникновением испанской колонизации вглубь континента. Чаркас, Кито, Буэнос-Айрес (1661), Куско (1717). Одна из них была представлена президентом — вице-королем, когда расположение *audiencia* соответствовало вице-королевству; в других местах — генералом; чаще всего — определенным числом *oidores* (слушателей) с огромным жалованием. Вначале она была, как и в Европе, трибуналом, который рассматривал дела, подлежащие судебному рассмотрению в первой инстанции *corregimientos* и *alcaldes mayores*; этот верховный суд подчинялся лишь Совету Индии.

Audiencias совмещали административную и судебную власть. Это было управление с помощью юридических органов. *Audiencias* осуществляли наблюдение за всеми чиновниками. Они составляли Советы вице-королей. *Audiencia* Мехико была для Новой Испании тем же, чем Совет Кастилии в Кастилии. *Audiencia* замещала власти вице-королевства в случае их временного отсутствия.

Вице-король. Власть вице-короля пришла на смену власти ставших слишком неудобными конкистадоров. Пример этих последних сделал королевскую власть недоверчивой: медлительность сообщений, почти полная неосведомленность Эскурнала об американских делах могли стать для вице-короля ужасным искушением. Рискую ослабить административную машину Вест-Индии, «осторожный король» и его наследники су-

мели принять меры против излишней независимости своих уполномоченных.

Вице-король, выбираемый из самых именитых семей Испании, окруженный королевской пышностью, представлял корону. Он осуществлял королевское право на патронат, контролировал рудники, следил за обращением туземцев в христианство, был председателем *audiencia*, но фактически, как писал Мерриман об этом, был «гораздо менее всемогущим, чем, казалось, мог бы при существовавших границах закона». Отношения между вице-королем и *audiencia* позволяют уточнить границы вице-королевской власти. Когда *audiencia* исполняла функции Верховного суда, вице-король председательствовал без права голосования; его роль ограничивалась подписанием решений суда (он не имел права юридического превосходства, каким пользовался король Испании). Любой мог подать в *audiencia* жалобу на его управление. Вице-король, как и любой чиновник Вест-Индии, подчинялся правилам *Residencia* и *Visita*: то есть был обязан при уходе с должности остаться в месте осуществления своей власти, чтобы любой обиженный его управлением мог восстановить свои права. Все возможные меры были приняты, но осторожность, зачастую превосходящая саму цель, приводила к необыкновенной медлительности административной машины Вест-Индии.

При отдаленных *audiencias* роль вице-короля исполняли генералы, подчиняясь и ему и короне. *Audiencias*, которые в среднем в несколько раз

превосходили территорию метрополии, в свою очередь, делились на *corregimientos*, во главе которых *corregidores* с помощью алькальдов осуществляли текущее управление. Индейское население, разделенное на *partidos* (группы), управлялось с помощью местных вождей — *caciques* касиков или *экомандерос* (землевладельцев), правивших от имени короля.

Как микрокосм истории Испании, Вест-Индия повторяла административные преобразования метрополии. В 1701 году династия Габсбургов, которая в царствование Филиппа IV (1621—1668) и его сына Карла II (1668—1700) достигла наибольшего упадка, уступила место Бурбонам. Испанская монархия, лишенная Утрехтским договором (1713) мертвого груза своих европейских владений, в царствовании Филиппа V (1700—1746) и, в особенности, Карла III (1759—1788) совершила энергичный рывок, приняв участие в экономической эйфории европейского XVIII века на втором плане. Филипп V начал в 1718 году административную реформу, которая стремилась внедрить в Испании французскую модель администрации интендантов и оптимизировать неповоротливую машину администрации вице-короля в Вест-Индии. С 1765 по 1771 год территория Новой Испании была разделена на одиннадцать интенданств; во главе каждого стоял интендант, назначаемый королем; вместо *коррегидоров* и *алькальдов* руководство и надзор за индейцами на французский манер исполняли су-

бинтенданты. К 1790 году реформа постепенно охватила всю Кастильскую Вест-Индию. Испанская администрация в эти последние годы сделала существенное усилие, чтобы обновиться и достичь большей эффективности.

Вместе со своей административной системой Испания перенесла в Вест-Индию систему налогов, еще более мелочную и тяжелую не столько своим давлением, сколько притеснением, связанным с их получением. А сколько еще терялось? Фактически Вест-Индия финансировала значительную, если не сказать преимущественную, часть испанской монархии. Она платила торговые пошлины⁴: *almojarifazgos*, *averia*, которые изменялись в зависимости от времени года и налагались на товары, следовавшие в обоих направлениях между Гвадалквивиром и Америкой, чтобы обеспечить им защиту галионов. Она оплачивала королевские *donativos* (пожертвования), которые теперь тоже облагались налогом; все трудоспособные индейцы мужского пола были обложены данью — различными *alcabalas* (податями). Но самые большие налоги, которые платила Вест-Индия, шли с рудников. Король, предоставлявший разработку этих рудников частному капиталу, установил чрезвычайно высокий налог на производство — *quinto* (пятая часть).

⁴ Ценный для историка факт, позволяющий построить график функционирования портов.

Но как бы дорого ни обходилась эта администрация, столь щедро оплачиваемая, столь щедрая на синекуры, где вновь заблестели гербы грандов Испании и изголодавшихся идальго, сальдо оставалось положительным в пользу Испании. Это было верно, особенно в конце XVI и в конце XVIII века. Только романтическое воображение не поверит этому при таких-то статистических данных.

Изучение администрации нельзя отделять от изучения духовенства, которое было одним из лучших ее агентов. Корона, благодаря булле Александра VI, действительно пользовалась правом патроната, которое передавало все церковное управление Вест-Индии во власть короля. Он назначал кандидатуры на церковные должности через Совет Индий и устанавливал границы епархий. Своей собственной властью он повышал от имени духовенства размер церковной десятины, которую они ему платили на основании буллы 1501 года. Церковь была дважды агентом королевской власти с нашей точки зрения: она помогала королю держать в руках испанское население посредством инквизиции, учрежденной в Вест-Индии указом короля от 26 января 1509 года. Первый трибунал инквизиции начал действовать в Лиме в 1570 году и в Мехико в 1571-м. Инквизиция следила за тем, чтобы устранять любой намек на ересь. Правительство по-прежнему держало на расстоянии от Нового Света поселенцев, в вере которых можно было

усомниться: морисков, евреев и марапов (крещеных евреев). Инквизиция, больше пугающая, чем действующая, не беспокоила индейцев, в которых видели больших детей, неспособных к ереси.

Главным делом церкви было прежде всего приобщение индейцев к адаптированному христианству — это был первый решительный шаг к европеизации. Светское духовенство, не владевшее туземными языками и стремящееся получить пребенду пожирнее, не особенно занималось великим делом миссионерства. Главную роль в деле обращения туземцев играли религиозные ордены: францисканцы, доминиканцы, августинцы, пока не появились иезуиты, занявшие тут первые позиции в XVII и XVIII веках⁵. Они проделали огромную лингвистическую и этнологическую работу, чтобы лучше понимать туземцев во имя своего дела. Бернардино Рибейра де Саагун был родоначальником индейской этнологии в Новой Испании XVI века. Дело защиты индейцев навеки связано с именем Бартоломе де Лас Касаса, который смог тронуть сердце короля Карла V рассказом о несчастьях, свидетелем которых он был. Он был вдохновителем «Свода новых законов» (1545), эффективного проведения которого в жизнь он так и не смог добиться. В XVII и XVIII веках иезуиты оказывали неусыпное, по зачустую тиранническое покровительство индейцам своих миссий. Индейцы, которые были вынуждены

⁵ Robert Ricard. *La Conquête spirituelle de la Nouvelle-Espagne*, Paris, 1933.

жить в деревнях (*reducciones*) и обрабатывать там землю и которых, как малых детей, наказывали розгами, зависели больше от власти маленьких теократий, чем самого короля. Возглавляя индейское ополчение, иезуиты известных мисс Парагвая отражали набеги охотников за рабами — *bandeirantes* (бандитов) из Сан-Паулу. Дух независимости ордена вызывал стойкую неприязнь, которая выразилась в Декрете об изгнании от 27 марта 1767 года. Никто не представлял, какой удар наносится по Кастильской Вест-Индии этой мерой. Волей Карла III был уничтожен лучший посредник между Европой и миром индейцев.

II. Эффективность испанской администрации

Какова же была в конечном счете эффективность этой сложной административной системы?

Нельзя отрицать, что она преуспела в защите империи. Несмотря на все притязания морских держав, которые с конца XVI века решительно обогнали Испанию на море, этой системе в течение трех веков удавалось сохранять полностью или почти полностью огромное владение в 16 млн кв. км. Мы, конечно, не можем изложить историю всех атак, выдержанных Кастильской Вест-Индией: ее следовало бы начать с первых попыток колонизации гугенотом Жаном Рибо, схваченным и казненным по приказу вице-короля Новой Испании во Флориде в 1558 году, потом рассказать о первых смертоносных рейдах в

Карибском море пиратов всех национальностей, которые начались около 1540 года, а затем -- о рейдах Френсиса Дрейка (1540–1596), Джона Хокинса (1520–1595), сэра Уолтера Рейли (1552–1618) и вплоть до посягательств французов, голландцев и англичан в XVII и XVIII веках.

Что же остается положительного? Конечно, сокровища Вест-Индии перехватывались не раз, но, если оставить без внимания Гвиану и владения на Антильских островах, англичанам и голландцам удалось проникнуть в Сан-Доминго и на Ямайку (1658) -- несколько царапин, а в общем и целом Вест-Индия оставалась испанской вплоть до XIX века.

Необъятность Вест-Индии была для нее спасительным фактором, но для администрации эта необъятность являлась большим препятствием, которое она так и не смогла полностью преодолеть. Только представить: флоту Севильи требовалось больше года, чтобы преодолеть расстояние туда и обратно между Андалусией и Новой Испанией. А во времена Гумбольдта, на заре XIX века, в конце колониальной эпохи, все еще приходилось затрачивать от «трех до пяти месяцев, чтобы добраться от Панамы до Лимы на быках», тридцать дней на телеге, запряженной волами, чтобы доехать от Розарну до Тукумана... Пользуясь медлительностью сообщения, колониальный чиновник на любой ступени служебной иерархии в конечном итоге действовал по своему произволу, вежливо маскируя неповиновение символич-

ной формулой: «*obedezco pero no cumpro*» («однако не полностью»). Он пользовался этим, чтобы окунуть свои затраты на покупку должностей. Взятничество среди должностных лиц, язва эпохи и Европы, не пощадила Испанию, которая распространила эту заразу и в Вест-Индии.

III. Бразилия

Португальская администрация Бразилии в основных своих чертах напоминает администрацию Кастильской Вест-Индии. Хотя истоки ее несколько отличаются.

Только в 1534 году Португалия начала обращать внимание на эту в какой-то мере обременительную собственность, отвлекавшую метрополию от Ост-Индии, которая была центром ее интересов. Поэтому португальский король способствовал развитию администрации, доверив ее нескольким знатным сеньорам, *donatario*, обладавшим крупнейшими вотчинами, на которых их власть была неограниченной. Такое начало тяжело отразилось на истории страны; оно затормозило ее экономическое развитие и формирование эффективной администрации. Осознав, без сомнения, свою первоначальную ошибку, Браганский дом попытался с 1549 года организовать в Бразилии администрацию, аналогичную администрации Вест-Индии. В 1549 году политические права *donatario* были отменены, но их огромные владения, составлявшие экономическую базу их могущества, сохранились. Была со-

здана новая администрация королевских округов: в XVI веке их было тринадцать. Во главе каждого находился капитан; этот капитан-генерал, своего рода вице-король Бразилии, представлял в Баии, а затем в Рио-де-Жанейро, по сути, королевскую власть. За шестьдесят лет династического союза Португалии и Испании под властью дома Габсбургов (1580–1640) бразильская администрация добилась решительных успехов. Обе администрации работали параллельно, но под влиянием Испании португальская администрация приняла форму мадридской. Дело в том, что в 1604 году был создан *Conselho da India* (Совет Индии), соответствовавший португальскому *Consejo de Indias*. Это была администрация капитана-генерала и его *ouvidores*, представлявших ее в каждом королевском округе, которая в конце концов в XVII веке заменила анархическую и феодальную администрацию капитанов. Большая автономия городов, управляемых *senados da Camara* (сенаторами палаты), напоминала администрацию Вест-Индии с ее *cabildos*.

За три века своей колониальной истории Бразилия продемонстрировала необыкновенный динамизм, который передает ее демографическая кривая, ее сопротивление натиску иностранцев: неудача с антарктической Францией, которую гугенот Вильгельмон пытался основать в 1556 году на месте Рио-де-Жанейро, победоносная борьба против нападений голландцев, особенно в годы иберийского союза. Но наступление Бразилии

в ущерб Кастильской Вест-Индии является наиболее ярким подтверждением ее жизненной силы. В XVI веке Бразилия занимала узкую полосу земли, которая лишь незначительно перекрывала на севере и на юге демаркационную линию 1494 года. Эта линия проходила от устья Амазонки до окрестностей Сан-Паулу. В XVII веке Бразилия широко распространилась за пределы города Сан-Франциско и приблизилась к истокам Парагвая. К концу колониальной эры она расширилась почти до Анд, охватив 8,5 млн кв. км, которые она занимает в настоящее время. Жажда новых земель для деструктивной экономики, поиски рудников за Минас-Жерайсом и особенно безудержная охота за рабами, которую вели сан-паулские *bandeirantes*⁶, — вот движущие силы натиска, получавшего свою легитимность всегда уже *postfactum*.

⁶ Сан-паулские бандейранты — метисы Южной Бразилии, штата Сан-Паулу, которые собирались в банды для охоты за рабами на огромных просторах постоянно изменяющихся рубежей двух империй. В Парагвае они столкнулись с вооруженным сопротивлением ордена иезуитов.

Глава 3

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

I. Население

Латинская Америка по сравнению с Америкой англосаксонской — это Америка индейская, Америка метисов. Оценка индейского населения на момент завоевания очень расплывчата и неопределенна и варьируется между 20 и 40 млн человек⁷. Если эта оценка верна, то встреча двух миров привела к катастрофическому сокращению индейского населения, потому что, несмотря на вливание европейской и негритянской крови, население испанской Америки в 1800 году можно оценить примерно в 15 млн человек, относительно Бразилии того же времени этот показатель — примерно 3,3 млн человек. Что

⁷ Оценка в 40 млн принадлежит доктору Риве. В свете работ, сделанных за десять лет великоленной командой историков, этнологов и демографов Беркли, цифра, приведенная доктором Риве, кажется весьма близкой к истине.

касается колониального периода, предшествующего самому концу XVIII века, то любая попытка произвести оценку становится практически невозможной.

И все же у нас есть неоспоримое доказательство чрезвычайного роста населения в Бразилии. Собственно *indios bravos*, дикие индейцы, — 300–400 тыс., может быть, 500 тыс., легкая добыча для охотников за рабами. Увеличение цивилизованного населения — факт слишком значительный, чтобы в нем можно было усомниться: 50 тыс.(?) в 1580 году, 70 тыс. в 1600-м, 175 тыс. в 1640-м, 750 тыс.(?) в 1700-м, около 3 млн в 1800-м. Население Кастильской Вест-Индии, возможно, составляло около 10 млн человек во второй половине XVII века. Если принять эти цифры, то победа испанцев привела к исчезновению двух третей или даже трех четвертей индейского населения. И причины этого — подневольный труд на плантациях *энкомендерос* и в рудниках и эпидемические заболевания, завезенные из Европы. Таким образом, картина, которую представил Бартоломе де Лас Касас в своей «Истории Индии», во многом правдива.

Возможно?

Если мы будем придерживаться единственно приемлемой оценки Гумбольдта, то население Латинской Америки к концу колониального периода насчитывало в Кастильской Вест-Индии около 15 млн человек. Из них 7 млн — в Новой Испании и на подвластных территориях: в Гватемале, на Кубе, в Пуэрто-Рико, 3 млн — в вице-

королевстве Тер-Ферм, чуть более 2 млн — в вице-королевстве Перу, 2,35 млн в вице-королевстве Ла-Плата, — население, которое разделялось глубокими прогнворечиями, управлялось расовыми различиями.

На самом верху социальной лестницы испанцы, родившиеся в метрополии (30 тыс. человек около 1800 года), контролировали управление страной.

Креолы (*criollos*), тоже чистокровные, около 3 млн человек, владели большими haciendas и поставляли стране интеллектуальную элиту; существенный экономический и социальный фактор Вест-Индии.

Ниже креолов располагалась масса людей со смешанной (*mestizos*) кровью: метисы от белых и индейцев, мулаты от белых и негров, *zambos* — метисы от негров и индейцев. Мир ремесленников, управляющих, бродяг; промежуточный мир, беспокойный, нестабильный, требовательный, который, не имея возможности стереть пятно своего происхождения, стремился встать в социальной иерархии рядом с креолами.

В самом низу социальной лестницы — 10 млн индейцев — скот, который использовали для работы в поле и на рудниках. Подневольный труд теоретически был уничтожен в XVIII веке, но с о в большей или меньшей степени заменило рабство за долги. Исчезло лишь ег о название. За пределами собственно колонизованных земель, за «границей», дикие индейцы продолжали вести образ жизни, более или менее похожий на тот, что

предшествовал завоеванию. Одни племена были вполне безобидны, другие – полны воинственного ожидания: например, арауканы на юге Чили или индейцы Пампы, всегда готовые прервать сообщение между Буэнос-Айресом и Перу.

Еще ниже, если такое возможно, на социальной лестнице находились черные рабы, предмет торговли, – 800 тыс. человек в Кастильской Вест-Индии, собранных на огромных сахарных плантациях Антильских островов. Их можно было найти и на рудниках, и в портах, и в качестве домашних слуг. Чтобы восполнить нехватку индейской рабочей силы, испанцы с XVI века стали использовать рабочую силу из Африки. Некоторые чувствительные к страданиям индейцев индивидуумы, тот же Бартоломе де Лас Касас, предложили это средство – работорговлю. Испанцы всегда проявляли огромное отвращение к этому виду торговли. Поэтому корона передала контракт (*asiento*) иностранной компании, которая за огромную сумму получала монополию на снабжение Кастильской Вест-Индии неграми. Первый контракт был заключен в 1517 году с генуэзской компанией; португальцы, голландцы, англичане по очереди получали прибыль от этой выгодной торговли⁸.

⁸ Торговля неграми была одним из важнейших источников дохода новой истории. Новая Англия обязана ей своими первыми капиталами. Клиперы пуританских торговцев неграми, груженые ромом, несколькими ящиками залежавшегося говара, грубыми тканями, отправлялись к берегам Африки, где они загружали «эбеновое

В массе цветных людей, особенно индейцев, не таких крепких, как представители черной расы, при отсутствии гигиены, при постоянном недоедании, при проживании в смрадных хижинах эпидемические заболевания производили катастрофическое опустошение. Оспа, которая каждые семнадцать-восемнадцать лет выкашивала Новую Испанию, в 1779 году только в одном Мехико стала причиной более 9 тыс. смертей. Другие заболевания, присущие исключительно индейской расе, например нечто вроде тифа, *matlazahuatl*, производили на плато Новой Испании опустошения, сравнимые только с последствиями оспы. В это же время на побережье никого не щадила желтая лихорадка (*vomito prieto*). В тех районах Панамы, где она свирепствовала («ехать в Панаму — искать смерти», — гласит колумбийская пословица), время пребывания галлонов в Номбре-де-Диос сокращали до минимума. Легко понять, что из-за эпидемий и периодического голода население

дерево». Негров набирали на борт как можно больше, не боясь испортить товар, который почти ничего не стоил при отправлении. «Подорожавшее» во время пересзда эбеновое дерево, как было принято говорить у noctенных судовладельцев из Нанта (неизбежные потери составляли от 40 до 50%), продавали на Антильских островах или, чаще всего, на побережье Бразилии, где загружали патоку — сырье для рома. Таким образом, складывался торговый треугольник, самую большую прибыль от которого имела вершина этого треугольника, которой в разное время являлись Лиссабон, Амстердам, Лондон, Нант и Бостон.

увеличивалось очень медленно, несмотря на высокую рождаемость.

В самом начале XIX века в Бразилии официально насчитывалось 1 887 500 негров при общем количестве населения в 3 617 000 человек, то есть больше 50% населения. Остальное население составляли белые — 843 тыс. человек, метисы — 628 тыс., индейцы — 259 тыс., не считая непокоренных индейцев.

Колониальное общество Бразилии, менее чувствительное, если такое возможно, к расовым предрассудкам, представляло собой напластование, подобное тому, которое существовало в Вест-Индии. На вершине лестницы — испанец, который сохранял за собой руководство администрацией, богатый собственник, *senhor de engenho* (господин), внизу — черный раб, стадо, которое поставляло закаленную, неприхотливую, пригодную к любому труду рабочую силу, более податливую, чем индейцы. Стадо, которое португалец, в отличие от испанца, без колебаний обращал в рабство. Скот, который время от времени сотрясали ужасные конвульсии, подобные большому восстанию рабов в Минас-Жерайсе, которое утонуло в крови весь конец XVIII века.

II. Экономическая и социальная жизнь

Колониальная Латинская Америка в глубине своей страдала от нездоровой экономики; ее полезные ископаемые эксплуатировались в пользу

метрополий — Испании и Португалии. Контрабанда была лишь несовершенным средством на службе у колониального пакта; внутри самой страны *encomienderos* и *fazendeiros*, крупные собственники земель, рабов и рудников, держали в своих руках и растрачивали большую часть богатств, производимых страной. Эта порочная экономика приносила доход за границе и ограниченному кругу аристократии. В некоторых отношениях колониальная ипотека над южно-американской экономикой еще не была снята.

1. Земля: аристократическая экономика.

Колониальная Латинская Америка, Кастильская Вест-Индия и Бразилия, — это продукт завоевания. Завоевание здесь, как и повсеместно, имело следствием водворение крупной аристократии. Феодальная собственность, которая еще преобладала в Европе в XV веке, была перенесена в Вест-Индию. Огромные владения были отданы конкистадорам и их соратникам. Из этой авантюры родился новый социальный тип: испанский *энкомендеро*, бразильский *фазендейро*. Со времен испанского завоевания вместе с землей испанцы получали индейцев. *Энкомьенда* (поручение) была создана, чтобы бесплатно поставлять на плантации необходимое количество индейцев, рабочую силу, которую можно было использовать для колониальных спекуляций. Бразильский *фазендейро*, *senhor de engenho* колониальной Бразилии, который вел патриархальную и распущен-

ную жизнь, окруженный стадом черных рабов, — это португальский вариант испанского *энкомендеро*. Государственный строй богатых землевладельцев, характерный для колониальной Латинской Америки, установился тем более легко, что он не встречал сопротивления индейского крестьянства, которое могло бы ему противостоять. Для индейца Анд или ацтекской империи колониальный режим был простой сменой хозяина.

В колониальной Латинской Америке земельная аристократия захватывала в свою пользу земельные ресурсы. На этих землях ее представляла целая армия метисов-управляющих, охотно эксплуатировавших индейцев. Доходы, полученные с этих земель, они тратили на роскошную жизнь в городах, которые поражают своим величием. Баия, Рио-де-Жанейро, Лима или Мехико (137 тыс. жителей в 1803 году), которые со времен Жемелли в XVII веке до Гумбольдта всегда поражали иностранцев. Именно там проматывались доходы от земель и рудников, не принося настоящей пользы экономике Новой Испании. Экономика расточительности, стоявшая на службе у земельной аристократии, была при этом также обращена вовне и зависела от превратностей колониального пакта нового времени.

2. Иберийская монополия и экономическое порабощение. Подобно тому как Бразилия являлась вотчиной Португалии, Кастильская Вест-Индия была вотчиной Кастилии или, вернее сказать, Андалусии, которая вложила сюда пер-

вые капиталы. В 1503 году, еще при своем создании, Палата договоров во многом способствовала поддержанию привилегий Андалусии. Все корабли, направлявшиеся в Америку или возвращавшиеся оттуда, обязаны были проходить через Севилью. Расположенная в глубине расширяющегося устья Гвадалквивира и отгороженная грядой Санлукар, Севилья сохранила свою с самого начала абсурдную привилегию⁹ до 1680 года, когда внешней гаванью стал Кадис¹⁰. В 1717 году перенос Палаты договоров окончательно утвердил это лишение прав, но принцип остался тот же: Кадис заменил Севилью; Кадис унаследовал привилегии Севильи. В 1765 году Кадис потерял свою монополию или, точнее, разделил ее с девятью новыми портами. 1765 год предвещал великий акт 1778-го. В 1778 году Карл III сокрушил то, что еще оставалось от монополии Андалусии, освободив от ее пут торговлю между Вест-Индией и Испанией. Но и после 1778 года этот принцип сохранялся. Вест-Индия, собственность Испании, могла иметь связь с остальным миром только посредством Испании. 1778 год — это уже

⁹ Обстоятельное исследование действительно показывает, что эта монополия изначально удачно вписалась в соответствующие технические условия навигации и особенности экономической географии Пиренейского полуострова.

¹⁰ Постоянное увеличение водоизмещения кораблей в XVII веке (в среднем 100 тонн в эпоху Х. Колумба, 300 тонн к середине XVII века) вынуждало корабли перегружать товары выше гряды Санлукар, что вело к лишним расходам и благоприятствовало контрабанде

конец колониального периода. Нам необходимо изучить именно предшествующий период. Новый Свет поставлял в Испанию сырье, в данном случае золото и особенно серебро. Самый удобный для контрабанды товар (максимальная цена при минимальном объеме). Чтобы контроль был более удобным, а стало быть, и более эффективным, Мадрид так долго поддерживал эксклюзивную монополию Севильи, а затем и Кадиса. Логика системы требовала запрета на торговлю между различными провинциями Кастильской Вест-Индии. Этот запрет поддерживался за редким исключением почти до великого акта освобождения 1778 года. 1778 год разрушает монополию Андалусии в пользу всей Испании и разрешает контакты между разными странами Вест-Индии. Но до 1766 года галионы, груженные серебром Нового Света, направлялись только к Севилье, а затем к Кадису и Севилье.

Это серебро — часть королевской *quinto*. Его составляла также оплата товаров, которые Испания отправляла в Вест-Индию и завышать цены на которые ей позволяла монополия. Оно служило для восполнения дефицита торгового баланса испанских колоний. Для доставки к берегам Гвадалквивира этого самого ценного из всех грузов, являвшегося слишком соблазнительной добычей для пиратов и врагов Испании, была организована целая система транспортных колонн.

Чтобы обеспечить защиту этих богатств и хотя бы временно возместить отсутствие квалифицированных лоцманов, навигационная систе-

ма появилась *de facto* еще до того, как она была отражена в законодательстве Вест-Индии.

Если испанцам удавалось почти всегда без помех доставлять ценные грузы, то это, без сомнения, благодаря не столько защите их пушек, сколько необъятности Атлантики до начала паровой навигации (разве в 1798 году Бонапарту не удалось пересечь Средиземное море под самым носом у Нельсона? По крайней мере, что галлонам удавалось обманывать бдительность врагов).

Логика испанской системы вытекала из логики испанского правительства. Мадрид никогда не доходил до запрета колониальной промышленности в пользу промышленности метрополии. Как правило, это был запрет на любую экономическую деятельность колоний, способную конкурировать с аналогичной деятельностью метрополии. Так же вели себя и англичане. Испанское правительство ополчилось против плантаций винограда и оливковых деревьев, которые поселенцы старались разводить в Перу, потому что их продукция могла конкурировать с такой же андалусской продукцией. И наоборот, оно несколько не мешало активному развитию кустарного производства, которое было по большей части наследием доколумбового периода. Это не должно нас удивлять, так как метрополия была не в состоянии поддерживать многочисленные местные рынки. Труднее понять широкое содействие, которое Карл V оказывал в Новой Испании производству шелка, достигшему во второй половине XVI века высокого уровня процветания, о ко-

тором свидетельствуют все рассказы путешественников. В октябре 1537 года сын Эрнандо Кортеса получил от вице-короля привилегии, которые позволяли ему посадку 100 тыс. черенков тутового дерева. С 1543 года особые законы регламентировали производство тканей и гарантировали их качество, предвосхищая принципы, предложенные Кольбером. Это эфемерное процветание закончилось, лишившись поддержки короля и не выдержав конкуренции дальневосточных шелков, которые привозил галион из Манилы.

3. Дальневосточная торговля. Еще одной непоследовательностью стала организованная самой же испанской короной в ее же собственных владениях контрабанда. Филиппины, частично открытые Магелланом во время его первого кругосветного путешествия, были полностью присоединены к испанским владениям Мигелем Лопесом де Легаспи значительно позже — в 1564–1565 годах. Экспедиция отправилась из Новой Испании, и новая колония до конца XVIII века оставалась укрепленной за вице-королевством Новая Испания.

Филиппины, бывшие постоянным объектом вождения португальцев, а затем и голландцев, находящиеся практически в противоположной от Кастилии точке земного шара, изолированные в той части мира, которую булла Александра VI и Тордесильяский договор отдали во власть португальцев, до конца XVIII века сообщались

с остальными частями испанской империи посредством всего лишь двух кораблей в год. Корабли следовали неизменно одним и тем же маршрутом, проходя из конца в конец Тихий океан от Акапулько, служившего выходом Мексики в Южные моря, до Манилы, столицы Филиппин, основанной в 1571 году. Ограниченная законодательством, вводившим все новые и новые запреты, которые доказывали его бессилie, торговля «манильского галиона» была если не самой, то одной из самых прибыльных среди тех, что велись в Вест-Индии. В Акапулько выгрузка контрабандных товаров происходила по заранее установленному ритуалу. Каждый чиновник получал плату за молчание в соответствии со своим служебным положением. Прибытие галионов отмечалось открытием в самой южной бухте Акапулько, у подножия скалы, которую освещали лучи солнца. ярмарки (*feria*) — одной из самых крупных в империи. На ярмарку в Акапулько приезжали со всей Вест-Индии, чтобы запастись предметами роскоши с Дальнего Востока. Именно эта конкуренция и способствовала провалу производства шелка в Новой Испании. Через Акапулько и Манилу на Дальний Восток отправлялась часть металлической продукции Нового Света.

4. Контрабанда. Случай с галионом из Манилы — это всего лишь один из аспектов контрабанды. Иберийский полуостров, промышленность которого неуклонно ослабевала с XVI века, был не в состоянии противостоять возрастающим

нуждам Вест-Индии. Контрабандная торговля была ему необходима. Колониальные чиновники, стремившиеся возместить покупку своих должностей и вернуться на полуостров, чтобы там наслаждаться столь быстро приобретенным состоянием, всегда с готовностью закрывали глаза за звонкую монету. Корабль, желавший сбыть контрабанду в каком-либо порту Вест-Индии, входил в него под предлогом серьезной аварии. Губернатор, получавший презент, разрешал подойти к причалу. Для проведения ремонтных работ весь груз выгружался. Местные власти приказывали солдатам охранять место его складирования. Торговля проходила под присмотром благожелательных часовых, получавших свою долю. Когда товар был продан, повреждения чудесным образом ликвидировались, и судну оставалось лишь поднять якорь и повторить ту же самую маленькую прибыльную игру в другом месте. Принято считать, что большая часть торговли в Вест-Индии в XVIII веке осуществлялась таким образом. После 1778 года интенсивность контрабанды выросла. С 1788 по 1796 год в порты только одного генерального округа в Чили заходили 26 бостонских кораблей, в то время как правительство Испании даже не пыталось им помешать. Но не следует предполагать, что эта ситуация была характерна лишь для конца XVIII века и лишь для периферических территорий, этих бедных окраин, заброшенных ради Новой Испании и Перу, находившихся на солидном содержании. Колониальный пакт в свое время был реальностью, по крайней мере для Испании.

5. Бразилия. В Бразилии данные в своей основе были идентичными. Та же социальная аристократическая структура. Та же обращенная вовне экономика. Монополия Лиссабона напоминала монополию Андалусии. Та же система транспортных колонн до 1703 года. И все же на этом сходство заканчивается. Португалия — не Испания. Попавшая под экономическое господство Англии по Метуэнскому договору, Бразилия XVIII века с точки зрения торговли была как британской, так и португальской колонией. Английские товары удовлетворяли все возрастающие нужды внутреннего рынка Бразилии после остановки в Лиссабоне или даже непосредственно с помощью контрабандной торговли.

6. Несколько типов экономики колониальной Латинской Америки. Экстравертивная экономика, экономика деструктивная — вот две темы, которыми можно было бы ограничить круг изучения экономики колониальной Латинской Америки. Конечно, возможны варианты.

Пампа, которую в настоящее время покрывают бескрайние поля пшеницы, в XVIII веке в руках горстки *эстансьеро* (помещиков) была областью «кожаной» цивилизации. На службе у этой аристократии, потомки которой и сейчас господствуют в Аргентине, находилось испанское население с большой долей индейской крови — *гаучо*, которые с удовольствием узнают себя в эпической поэме Мартина Фьерро. Живущие в глинобитных хижинах без дверей и окон, они про-

водят большую часть своей жизни верхом на лошади — это единственное существо, к которому эти суровые люди испытывают хоть какую-то нежность. Человеческая жизнь ценится не дороже жизни скотины. Священник и школьный учитель, коммивояжеры европейской цивилизации, никогда сюда не забредали.

Гаучо занимались приручением скота, *cimarrone*, огромных табунов быков, завезенных первыми поселенцами два века назад и вернувшихся к дикому состоянию. Пампа под их лассо становилась всего лишь источником, поставляющим кожу и сало (ежегодно экспортировалось 800 тыс. кож, что приносило 4 млн песо).

Группами в нескольких сотен наездников гаучо, работая на своих хозяев, *эстансьеро*, ездят по пампе, преследуя животных: они убивают их исключительно ради шкуры, убивают каждый раз, когда проголодаются, по одному быку на человека, убивают даже просто для того, чтобы привязать к мертвому животному лошадь. Запах падали стоит над пампой, которую приходится отстаивать от набегов непокоренных индейцев, которую приходится защищать от бразильского проникновения. Варварская экономика, которая ошеломляющими темпами уничтожает свой собственный капитал.

У Бразилии была собственная деструктивная экономика сельскохозяйственного, но уже не пастушеского типа: печально известная бразильская экономика циклов. На вершине социальной лестницы находился богатый собственник — фа-

зендейро, соответствовавший *эстансьеро*. Но здесь уничтожали не животных, а землю. Быстро расчищенная с помощью огня, а не топора, земля в течение многих лет давала урожаи сахарного тростника. Когда же она истощалась, *фазендейро*, не восполняя ее ресурсов, перемещался дальше на запад со своим стадом рабов. Он оставлял после себя пустыню, почву, разрушаемую тропическими ливнями. Когда в конце XVIII века в этих условиях разводить сахарный тростник стало невыгодно, *фазендейро* оказались неспособными к возрождению своего производства по примеру антильских плантаторов, которые в то же время начали использовать древесную массу сахарного тростника, чтобы вернуть земле хоть часть отнятых у нее богатств. Бразилия сахарного тростника рухнула, но на юге очень скоро, в середине XIX века, возникнет новая Бразилия — Бразилия кофе. Экономика Бразилии — это целый ряд деструктивных экономик, которые следуют друг за другом во времени и пространстве.

Чтобы соединить между собой эти изолированные огромными пустынями пространства мира, развивается настоящая транспортная цивилизация. Она зависит от местности, но всегда очень колоритна. Например, ломовые извозчики пампы на своих повозках с огромными колесами, которые тащили волю со скоростью 2 км/час. Организация транспортного обоза (*tropa*) всегда была опасной и рискованной операцией. На то, чтобы доехать от Розарио до Тукумана, уходило

тридцать дней. Еще более колоритными были *арьеро* — погонщики из Анд, грубое население смешанных кровей, почти сроднившееся со своими мулами, совсем как гаучо — с лошадьми. Их основным занятием был вывоз из Анд добытых другими полезными ископаемых.

Поиски рудных жил были движущей силой завоевания: метод горнопромышленного производства — разрабатывать до полного истощения, а потом уйти — отмечает собой всю экономику Латинской Америки. Расположенные самой природой в сердце горной цепи Анд, на высоте в 3400 м, а в Перу иногда значительно выше, в районе Потоси или на бесплодных плато Мексики в Гуанахуато, в Цакатекас, в Оахаке, американские рудники были чудовищем, пожиравшим индейцев, которых туда поставляла *mita* (говорили, что перед отправкой по ним служили заупокойную мессу). Аристократия рудников напоминала фазендейро и эстансьеро, но была гораздо богаче их: Мехико и Лима были застроены ее дворцами.

Американские рудники обусловили не только американскую экономику: они повлияли и на европейскую историю. Между Америкой и Европой происходил технологический обмен. Без сомнения, вклад Европы был значительно весомее: домашние животные, большая часть культурных растений, технологии, люди. Европа и Америка обменялись и инфекционными заболеваниями. Америка дала Европе табак, кукурузу, но прежде всего Америка дала Европе свои драгоценные ме-

таллы. Их роль в европейской истории огромна. Когда, движимая жаждой золота, серебра и, особенно, пряностей, Европа устремилась навстречу Америке, она первоначально обнаружила золото лишь в малых количествах на Ангильских островах. Но затем с 1530--1540-х годов происходит открытие серебряных рудников в Мексике и Перу. В 1558--1560 годах в Новой Испании, а в 1572--1573 в Перу американские минералы начинают обрабатывать с помощью амальгамы и ртути, что приводит к гигантскому скачку в производстве серебра в Новом Свете. Это вызывает кризис цен в XVI веке и спасает Европу от нового Средневековья, восстанавливая ее запасы металла. Как показал Дж. Гамильтон, серебро Мексики и, особенно, Перу регулярно поступает из Севильи, как отправного пункта, по всей Испании, а затем достигает Франции, Италии, Англии, Германии, Нидерландов, оживляя торговлю на всем своем пути. Благодаря, помимо прочего, изобилию денежных знаков XVI век становится периодом процветания.

Когда к 1630--1640-м годам Америка прекращает на одно столетие снабжать Европу, экономический XVI век сменяется эрой экономических трудностей и сокращения товарообмена, что выражается в ограниченном меркантилизме Кольбера. Говоря языком экономистов начиная с Симмонда, происходит переход от фазы А к фазе Б.

В XVIII веке золото Минас-Жерайс (Бразилия), а затем возрождение добычи серебра в Мексике в конце века вызывают в Европе пере-

ход от фазы Б к фазе А: избыток денежных знаков, медленный и прибыльный рост цен. На смену экономическому пессимизму XVII века приходит оптимизм века XVIII, что продемонстрировал К.-Э. Лабрус. В этом и состоит влияние Америки на европейскую и мировую историю. В конце XVIII века, если верить Гумбольдту, «количество золота и серебра, которое новый континент ежегодно отправлял в Европу, составляло девять десятых от общего производства всех рудников, имевшихся в мире», при этом на долю только испанской Америки приходилось 3,5 млн мер серебра.

Часть вторая

Крах
системы независимости
Латинской Америки

Глава 1

ПРИЧИНЫ

С 1808 по 1823 год колониальный строй, созданный Португалией и Испанией за три века их истории, рушится, заклёйменный всеобщим развитием идей XVIII века, подточенный своими внутренними пороками. Независимость Латинской Америки последовала почти сразу же за восстанием тринадцати английских колоний. Это явления одного порядка. Обе Америки были вовлечены в борьбу против своих метрополий сильным освободительным движением в XVIII веке. Восстание испанской и португальской колоний стало южным эхом восстания англосаксонских колоний. Но на этом аналогии заканчиваются.

Испанское завоевание создало на юге Американского континента искусственное единство, удерживая под своим господством различные народы, различные цивилизации, расположенные внутри географических ареалов, разделенных огромными пространствами. С помощью кастиль-

ского языка ей удалось объединить одной культурой некогда многоязычные народы. Но она не смогла преодолеть существовавших природных препятствий: огромные пространства не поддавались человеку. В конце XVIII века все еще нужно было тридцать дней, чтобы доехать от Розариу до Тукумана, расположенного у подножия Анд, через незаселенную еще Пампу, по которой скакали дикие индейцы и которая была местом опасных встреч. Между вице-королевством Перу и зависимым от него генеральным королевским округом Чили наземное сообщение через пустыню Пуна-де-Атакама было совершенно невозможно. Между Каракасом, будущим центром Венесуэлы, и долиной Магдалены, сердцем Новой Гренады, существовало два непреодолимых препятствия: знойные льянос и стена Анд. Здесь сообщение тоже было возможно только по морю. Латинская Америка была (и остается) образована из нескольких человеческих сообществ, связанных между собой или, вернее, отделенных друг от друга горными массивами, саваннами, девственными лесами. Восстание укрепило единство английских колоний, потому что это единство поддерживалось окружающей средой. Восстание испанских колоний разрушило искусственное единство, потому что испанцам не хватило времени вписать это единство в географическую реальность. Такова великая драма Независимости, которая принесла с собой раздробленность и бессилие.

В XVI и XVII веках Испания, в отличие от Португалии, создала колониальную систему, которая стала моделью для остальных европейских наций, в общем и целом наиболее достойную из всего колониального опыта человечества. На этой точке зрения сходятся все современные историки. Но в XVIII веке эта тяжелая машина со сложной системой передаточных звеньев задыхается. Она рушится во время великого кризиса метрополий в начале следующего века. Относительно этого периода у нас есть бесценное свидетельство Александра Гумбольдта. Этот немецкий ученый, интересовавшийся всем на свете, объездил из конца в конец всю Кастильскую Вест-Индию в последние годы XVIII и в начале XIX века.

Революция была делом прежде всего креольской аристократии, которую поддерживало или нет метисское население. Индейцы чаще всего были пассивными свидетелями событий, которые их не задевали, потому что они с самого начала не встали на сторону далеких владык-испанцев против креолов, своих непосредственных господ. Революция в Латинской Америке, самой аристократической стране мира, была прежде всего делом аристократии. Нам следует посмотреть на нее с позиции креолов.

Креолы, уже многие поколения живущие на этой земле, которую они считают своей, и не имеющие никакой надежды на возвращение на родину предков, держат в своих руках бразды экономики Вест-Индии. Они владеют огромными *estancias* (поместьями) и стадами рабов. Они

удерживают в своих руках и пополняют ряды адвокатского сословия. Они составляют тесные и беспокойные ряды *letrados* (образованных людей), особенно восприимчивых к идеям века. Итак, движимая внутренними противоречиями экономическая и интеллектуальная элита общества, в котором наличие индейцев и черных рабов наделяет любого белого человека «комплексом превосходства», страдает от той изолированности и недоверия, которыми ее окружает королевская администрация. Эти испанцы по рождению и культуре отстранены от высоких, самых почетных и доходных должностей. Из 60 вице-королей можно с трудом насчитать 4 креолов за всю колониальную историю, из 602 капитанов-генералов — всего 14. Изоляция, которая отделяла их от высшей светской власти, лишала их также высших духовных должностей, что и объясняет поведение высшего духовенства во время революции. Таким образом, вовсе не из презрения или гнева креольская элита часто подвергалась издевательствам со стороны 300 тыс. испанцев метрополии (в Америке нет достаточно презрительных эквивалентов для названий *chapetones*, *gachupines*, *godos*). Эти колонии беспрестанно подвергались настоящим набегам саранчи — жадной и изголодавшейся армии *chapetones*, из которой рекрутировалась элита вице-королей и которая прежде всего считывала в своих рядах плебс, среди которого фигурировали *letrado* из Саламанки и неграмотные пастухи из Эстремадуры, гордившейся своим не-

существующим превосходством, которое ей было дано по праву рождения и кроме которого ей больше нечем было кичиться. Та картина потоков презрения, которую Курно создает, описывая общество дореволюционной Франции, еще более характерна для колониального общества Нового Света.

Смертельно оскорбленная, постоянно сдерживаемая в своем социальном продвижении вперед, вынужденная кормить триста тысяч бездельников, чтобы они жили в свое удовольствие, креольская элита все время была ущемлена в своих экономических интересах. Поскольку на ней держались основные богатства страны, именно она больше всех и страдала от ярма колониального пакта. Организованная исключительно в интересах метрополии, колониальная система прежнего экономического строя работала тем хуже, что уже более двух веков иберийские метрополии были не в состоянии соответствовать реальным потребностям своих американских колоний. Монополия Севильи, затем монополия Кадиса, которая в 1765-м, а потом и в 1778 году уступила место более широкой монополии всей Испании, монополии Лиссабона. В этих условиях монополии были лишь средством для взывания налогов, в том числе и *quinto* (пятой части в пользу короля). Тяжелый аппарат налоговой системы Кастилии и Португалии выкачивал, не заботясь об экономике стран-производительниц, и направлял в паразитирующую Европу драгоценные металлы, которые креольская техника и индейская

кровь изо дня в день отвоевывали у Скалистых гор и Анд. «Экономика на острие копья» вполне удачно сглаживала эти недостатки, и только. Решение неудобное и обременительное: английский судовладелец, естественно, заставляет оплачивать малейшие риски своего предприятия колониальную экономику, а на колониальную экономику в конечном счете ложилась огромная дань, которую требовала испанская администрация, чтобы закрыть глаза на происходящее. Экономика испанской Америки не задыхалась, но ей приходилось дорого платить за свое право на существование.

XVIII век и бурбонское возрождение придали французский уклон администрации Эскориала. Колониальный пакт сокращает свои расходы. Закончилось время, когда Карл V поддерживал шелкопрядильное производство в Новой Испании. Множатся запреты, направленные против экономики конкурентов, или, вернее, задумываются их осуществление: ведется война с виноградниками и плантациями оливковых деревьев.

Таков был ошейник, надетый на экономику колоний. И хотя в конце XVIII века он душит, но, как это ни парадоксально, несмотря на не-объятность клиперской Атлантики, Латинская Америка в лице королевской элиты участвует в великом движении идей XVIII века, тем более что идеи способны незаметно распространяться через товары и людей, которые их доставляют. Несмотря на надзор инквизиции, интенсивная интеллектуальная жизнь сосредоточивается вокруг амери-

канских университетов: университет Мехико (основан в 1551 году), университет Лимы (основан в 1553 году). Повсюду, по свидетельству Гумбольдта, быстро развиваются точные науки. Мехико в этих областях имеет поразительное превосходство. Каракас, Кито, Богота следуют примеру Новой Испании. Газеты «El Mercurio peruano», «La Gaceta de Lima», «El telegrafo mercantile» в Буэнос-Айресе — предшественники периодической прессы, «El Mercurio volante» в Новой Испании, «La Gaceta de Mexico», «El Diario de Mexico» служат проводниками идей века.

Этому способствует ослабление ярма. В конце XVIII века намечается тенденция к выходу из изоляции. Кадис теряет свои привилегии. В Испании открываются девять новых портов для торговли с Вест-Индией. В 1768 году начинается свободная торговля между вице-королевством Санта-Фе-де-Богота и вице-королевством Перу; вице-королевство Новой Испании, затем вице-королевство Ла-Платы получают ту же привилегию. В 1778 году свобода сообщения между колониями и Испанией становится практически полной. Ослабление ярма, с одной стороны, облегчает проникновение извне, с другой — позволяет креолам осознать собственные потребности.

Колониальное владычество уже давно переживало внутренние потрясения, но только в XVIII веке они обрели масштабность. В Парагвае в 1725 году Антиньера, возглавивший «суминерос», уже говорил о народном сувере-

штете. В 1740—1741 более значительное восстание потрясло Перу и пустило ростки по всей Южной Америке. Оно привело к смене власти испанского короля властью инков Феллина. В 1750 оно вспыхнуло с новой силой благодаря помощи Англии. Во второй половине века волнения становятся все более интенсивными и многочисленными: от народных выступлений в Кито 1765 года, направленных на отделение от Испании, до великого восстания в Минас-Жерайсе, которое потрясло Бразилию в 1789 году. В чернь 1780 год происходит не менее трех подобных волнений. В Чили креолы и испанцы требуют конституционной монархии. В Перу инка Тулак Амару стремится захватить власть и поднимает восстание индейцев. В Каракасе вспыхивают волнения, спровоцированные Мирандой.

Но действия Миранды обусловлены внешними причинами — примером революции тринадцати английских колоний.

Восстание тринадцати английских колоний — одно из событий, которые способствовали свержению испанского господства в Америке. Оно стало примером, оно создало вблизи Латинской Америки очаг революции.

Восстание тринадцати английских колоний вспыхнуло в 1776 году. Не очень решительно Испания, движимая ненавистью к Англии, слепо следуя за своим французским союзником, позволила втянуть себя в войну против соседней колонизаторской страны. Испания слишком хорошо

понимала опасность, которой она подвергалась, чтобы действовать без страха. Граф Аранда, просвещенный министр при просвещенном монархе, сознающий опасность, предлагал своему господину создать три королевства — в Мехико, в Лиме и в Боготе — и во главе их поставить инфантов. Проект графа Аранды, повторно предложенный впоследствии Годоем, передаст то замешательство, которое затем подтвердили события.

Именно в Соединенных Штатах Миранда, герой борьбы за независимость, задумал, по его собственному признанию, проект освобождения Вест-Индии. В 1783 году он посвятил в него Александра Гамильтона, Самюэля Адамса, Генри Нокса, и, возможно, Вашингтона. Коммерческие связи между Соединенными Штатами и испанскими колониями, которые продолжали развиваться, несмотря на всевозможные табу колониального пакта, способствовали американскому примеру «заразить» Вест-Индию: с 1788 по 1796 год по всем чилийским портам было зарегистрировано 26 бостонских кораблей. Эта цифра говорит сама за себя.

Вслед за потрясением, вызванным восстанием соседних тринадцати колоний, последовал более отдаленный, но имевший мировое значение толчок: несмотря на полицию и инквизицию, креольская элита, читавшая Монтескье, Вольтера, Руссо и Мабли, не могла не всколыхнуться при известии о Французской революции. После своего поражения Миранда вошел в контакт с руководителями жирондистов: Керсеном, Жан-

соннэ, Бриссо, Лебреном и Монжем. В 1797 году хунта, в которой заседал Жозе дель Позо-и-Сукре, находилась в Париже. Но Французская революция оказала воздействие не только на идеологическую сферу: она вызвала событие, которое должно было отделить Испанию от ее колоний. Как только побежденная Испания подписала в 1795 году Бальский договор и, побуждаемая Директорией, бросилась на борьбу против Англии, то есть против господствовавшей на море державы, она оказалась отрезанной от своих владений в Новом Свете. Поставленная в безвыходное положение, она смирилась с неизбежным разрывом колониального пакта.

Будучи не в состоянии снабжать колонии товарами, в которых они нуждались, и лишена драгоценных металлов, необходимых для продолжения войны, Испания вынуждена была, согласно Акту от 18 ноября 1797 года, открыть американские порты для кораблей нейтральных государств. Она надеялась сделать из них своих посредников между собой и Вест-Индией. Сделав этот решающий шаг, Испания уже не могла повернуть назад. Когда 18 апреля 1799 года она, сознавая всю опасность своего положения, попыталась отменить принятые меры, оказалось, что свершенное необратимо. Большинство губернаторов отказались ввести запрет на заход в их порты кораблей нейтральных стран. Испанское правительство не могло подчиниться правилу, которое само только что сформулировало; и оно

пришлось продавать лицензии. В 1802 году, по подписанию Амьенского мирного договора, официальный возврат к монополии не изменил положение. Когда два года спустя возобновилась война против Англии, монополия была вновь уничтожена. Фактически с 1797 года колониальный пакт был отменен, а Испанская Америка была открыта для нейтральных стран.

Под нейтральными государствами подразумевались Соединенные Штаты — корабли и влияющие янки. С 1788 по 1796 год, несмотря на колониальный пакт, можно насчитать 26 бостонских кораблей, заходивших в порты Чили, а с 1797 по 1809 год их было уже 226. Такая свобода в Ла-Плате была выгодна непосредственно Соединенным Штатам, еще выгоднее она была в Ла-Верракус, Кальяо и Гаване. В 1805 году в Монтевидео насчитывается 22 американских корабля, половина из которых — суда, перевозившие невольников, а в 1806 году — 30 американских кораблей. Первые корабли, вышедшие из Ла-Гуайра (Венесуэла), прибыли в Филадельфию в 1798 году. В 1807-м туда прибыло 29 кораблей, вышедших из Венесуэлы, 138 кораблей с Кубы, 18 — из Пуэрто-Рико, 7 — из Ла-Верракуса, 2 — из Ла-Платы. В 1795 году объем экспорта из Соединенных Штатов в направлении Латинской Америки составил, вопреки испанской монополии, 1 389 219 долларов; а объем импорта — 1 739 138 долларов. В 1801-м, после Акта 1797 года, экспортные поставки поднимаются до 8 437 659 долларов, импорт — до 12 799 888 долларов. Для поддержания

этой колоссальной коммерческой экспансии создается прообраз консульского представительства янки: в 1797 году агентства Нового Орлеана и Гаваны, консульства Сантьяго (Куба) и Ла-Гуайры (Венесуэла) пользуются лишь фактическим допуском, но тем не менее существуют. Нет такого расстояния, которое не смогли бы преодолеть идеи, если этими путями следуют люди и товары.

Это влияние американских идей можно проследить по репрессивной деятельности властей: с 1794 года, до открытия портов для торговли с нейтральными странами, в Мехико, в Санта-Фе-де-Богота и в других местах распространителей революционных лозунгов преследовали, подозреваемых пытали в тюрьмах. Тем не менее зажигательные призывы к независимости проникают повсюду, множатся переводы «Здравого смысла» Томаса Пейна, поднимается яростная атака против колониального пакта. Это влияние мы находим и в южноамериканских конституциях, которые зачастую просто воспроизводят фрагменты конституции Джефферсона.

Глава 2

КРАХ

Таким образом, на этой подготовленной почве разразились первые восстания. На побережье Венесуэлы в 1806 году первая попытка Миранды, поддержанная Англией, провалилась. Пленники, среди которых числились и янки, были повешены. Вторая экспедиция в августе 1806 года, на этот раз при официальной поддержке англичан, потерпела полную неудачу, несмотря на призыв к восстанию, составленный иезуитом Хуаном Пабло Вискардо. Подобная авантюра против Рио-де-Ла-Платы под руководством Пофама была не более успешной. Население Буэнос-Айреса отразило атаку англичан. Попытки 1806 и 1807 годов, слишком преждевременные и задевавшие национальные интересы жителей Латинской Америки, были обречены на провал. Несмотря на длительную интеллектуальную подготовку, Латинская Америка еще не созрела для независимости. Она оказалась ввергнута в пучину восстаний из-за слабости метрополий.

І. Французская интервенция. Первая революция и ее поражение

Наполеон, сам того не желая, преуспел там, где Англия потерпела неудачу. 1797 и 1808 годы – решающие даты для Латинской Америки на ее пути к отделению и, следовательно, независимости. Ноябрь 1807 года: Жюно проникает в Лиссабон. Флот увозит к берегам Бразилии Браганскую семью и португальские сокровища. Наполеоновская интервенция одним ударом перемещает центр тяжести португальской империи в Америку. Бразилия открывается для кораблей и торговли с Англией. Май 1808 года: Наполеон вызывает в Байонну королевскую семью Испании и решает ее судьбу. 5 мая Карл IV отрекается. 6 мая Фердинанд, его сын, следует его примеру. Чтобы присоединить Испанию к континентальному блоку и таким образом наложить руку на богатства Вест-Индии, Наполеон сажает Жозефа на трон католических королей. Но народ Испании отказывается признать себя побежденным. Мятая хунта образовывается в Севилье. Отныне именно она в течение шести лет будет сражаться во имя свободной Испании. Между Наполеоном и хунтой (*Junta*) разыгрывается состязание на скорость: кто первый приведет в свой лагерь испанскую Америку. Ассамблея нотаблей (именитых граждан), созванная в Байонне, чтобы признать короля Жозефа, впервые в истории Испании насчитывает в своем составе представителей Вест-Индии. В Конституции, которую Наполеон под-

готовил для Испании, предусматривалось регулярное представительство колоний. Наполеон рассчитывает на свою популярность в Америке, чтобы сплотить вокруг дела Жозефа испанские колонии.

Прибытие в порты Кастильской Вест-Индии посланцев Франции с поручением доставить местным чиновникам послания Жозефа и послание императора дало повод к драматическим сценам. Иногда отмечались некоторые колебания, но результат был повсюду один и тот же — «дикий и ужасный взрыв лояльности», о котором говорит Торено. В Каракасе 15 августа 1808 года генерал-капитан Касас сомневался, но *cabildo*, созванный в спешном порядке, заставил склонить решение в пользу Фердинанда VII; в Мехико вице-король Игурригарей, амбиции которого устремлялись слишком далеко, не в пример Касасу, не сомневался ни минуты. В Боготе первые новости поступили 19 августа 1808 года, а уже с 13 сентября декларации с горячими призывами против Наполеона были вывешены на всех стенах. В Буэнос-Айресе, несмотря на приезд избранного посланника, маркиза де Сасней и несмотря на очевидные симпатии к нему вице-короля Линье, тоже было принято решение против Франции. Несмотря на усилия императора, колонии в последние месяцы 1808 года под крики: «Да здравствует Фердинанд VII!» одна за другой присоединялись к севильской хунте, к лагерю свободной Испании.

Но не надолго.

Почти тотчас же лояльное движение стало сепаратистским. Наполеон, которого называли иног-

да освободителем Америки, сыграл свою роль в этом крутом повороте. Не в состоянии владычествовать над испанской Америкой, не в силах усмирить восстание в Севилье, он сделался борцом за независимость, чтобы ослабить противника. Наполеон наводнил Вест-Индию своими агентами-провокаторами, самым известным из которых был Демолар, подстрекатель революционного движения, которое вспыхнуло в Каракасе в апреле 1810 года. Но Демолар — это лишь имя, во всех столицах вице-королевств и королевских округов можно было найти подобных Демоларов, более или менее ловких и более или менее удачливых. Очень трудно оценить их роль по достоинству.

Но больше, чем Наполеон, дело довершил пример тринадцати английских колоний. В то время как почти вся метрополия была оккупирована великой армией, а Андалусия потерпела поражение, Америка провозгласила свою независимость. В марте 1811 года в Каракасе состоялся конгресс, который объединил *cabildos* всех венесуэльских городов. Независимость Венесуэлы была провозглашена 5 июля 1811 года. Декабрьская конституция 1811 года почти цитирует конституцию Джефферсона.

Столица Кито следует примеру Каракаса в декабре 1811 года. Буэнос-Айрес, который принял в 1809 года нового вице-короля, назначенного хунтой Севильи, сбрасывает его в 1810 году. 25 мая вице-король вынужден сдаться перед коалицией, которой руководит Мануэль Бельграно. Избирается хунта, состоящая в основном из кре-

ольской элиты. Из устья Ла-Платы восстание распространяется более или менее успешно в направлении Боливии, Парагвая, Уругвая. Независимость провозглашена. Ла-Плата окончательно потеряна для Испании. В 1811 году с небольшим отставанием освобождается Чили, но испанцы остаются хозяевами положения в Перу.

В Мексике преждевременная попытка вице-короля Итурригарея освободиться от опеки Севильи терпит неудачу в сентябре 1808 года. То же самое происходит с народным движением, во главе которого встает скромный юре Идальго, который собирает индейцев под знаменами Божьей Матери Гваделупы. Идальго погибает: его казнят в июле 1811-го. Но другого священника, креола Морелоса, ждет успех: 6 ноября 1813 провозглашается независимость Новой Испании. Появившийся в это время перевод «Здравого смысла» Томаса Пейна под разоблачающим заголовком: «Идеи, необходимые каждому американцу, который стремится стать свободным», весьма наглядно свидетельствует о роли, которую сыграла идеология янки.

Испания тем не менее не считает себя побежденной. Хунта Севильи с помощью Англии шаг за шагом теснит захватчика со своей государственной территории. Англия, разрываемая между искушением использовать в интересах своей экономической экспансии огромное торговое пространство, которое открывает перед ней восставшая Вест-Индия, и желанием поддержать своего союзника Испанию против Наполеона, не

решается оказать восставшим помощь, в которой они так нуждаются. Соединенные Штаты, несмотря на симпатию Джефферсона и его друзей, тоже колеблются. Новая Англия, которая снабжает продовольствием армии, сражающиеся на иберийском полуострове, жертвует симпатией к восставшим во имя своей роли интенданта. Выгоды, полученные от торговли на полуострове, превосходят прибыли, полученные от американской торговли в ставшей недавно открытой Вест-Индии. Когда в 1812 году партия Джефферсона вовлекает молодую североамериканскую республику в борьбу против Англии, оказание Соединенными Штатами какой-либо эффективной помощи восставшим становится невозможным. Соединенным Штатам пришлось бросить все силы на борьбу за свое собственное существование. Наполсон был слишком далеко, чтобы прийти на помощь своим южноамериканским друзьям. Блокада Англии и поражение помешали ему действовать. Таким образом, восставшие должны были сражаться против испанских армий на территории всей страны, рассчитывая лишь на свои незначительные силы и поддержку лояльной партии.

Эта изоляция, разобщенность американцев, природные особенности страны — все это объясняет крах первых революционных движений, несмотря на исключительные личности легендарных руководителей.

Сразу же после своего создания Соединенные Штаты Венесуэлы вынуждены были подавлять мятежи, раздуваемые духовенством и привер-

женщинам старого режима. Землетрясение в Каракасе (26 марта 1812 года) было использовано духовенством против восставших. Миранда, провозглашенный диктатором, в конце концов был принужден к капитуляции. Каракас пал 30 июля 1812 года. Именно в этот момент появился человек, ставший героем Венесуэлы в борьбе за независимость, — Симон Боливар.

Симон Боливар родился в Каракасе 24 июля 1783 года. Сын богатого креольского плантатора, ставший сиротой уже в три года, он был передан в руки воспитателя, Симона Родригеса, горячего последователя Руссо. Боливар был воспитан на принципах «Эмиля», читал Плутарха. Его с ранней юности преследовали героические мечты о подвигах. В 16 лет он отправился в Мадрид завершить свое образование. Женившись в двадцать лет, в двадцать один год он уже стал вдовцом. Он объездил всю Европу, чтобы там рассеять свою боль. Романтический герой, опередивший свое время. Во время этой одиссеи, переезжая из одной столицы в другую, он проникся идеями XVIII века, известными ему до тех пор лишь по книгам. Он вернулся на родину в 1807 году разбогатевшим и полным решимости исполнить клятву Ганнибала, которую он дал в юности: освободить свою страну от ига Испании. Посланный хунтой Каракаса в Англию, чтобы добиться помощи и признания своей страны, он с этого времени использует огромное состояние для служения своему делу.

После возвращения он становится противником Миранды. Он содействует аресту павшего героя с подлинно якобинской суровостью. Выданный своими соратниками сначала роялистам, а затем испанцам, Миранда умирает четыре года спустя в темнице Кадиса. Место для Боливара свободно. В декабре 1812 года он поступает в распоряжение хунты Карфагена и основывает вторую Венесуэльскую республику. За это Боливар получает титул «освободителя» (январь 1814 года), но вторую Венесуэльскую республику постигла участь первой.

Действенную помощь дело роялистов получает от весьма любопытного персонажа -- Жозе Тома Бове. Он ведет за собой во имя короля против креольской аристократии побережья отряды гаучо, полукровок и диких индейцев, охняевших от крови и грабежей. Боливар покидает Каракас, затем отправляется морем на Ямайку в мае 1815 года. Несмотря на спорадическое сопротивление, которое никогда окончательно не прекращалось, в 1815 году испанцы, как казалось, уже победили в вице-королевстве Терра-Ферм. В 1812 году они захватили мятежную столицу Кито. В Новой Испании хунта Чинпансинго, созванная в сентябре 1813 года священником Морелосом, провозглашает независимость. Она закладывает основы широкой и претенциозной программы: уничтожение рабства, реформа налогообложения, равенство перед законом, но и здесь испанцы и их сторонники в итоге сказали свое последнее слово. Итурбид вынуждает разобщенную армию Мо-

релоса к отступлению. Осенью 1814 года из Испании прибывает 8 тыс. человек. Эта поддержка позволяет Итурбиду одержать решительную победу. Попавший в плен Морелос был казнен 22 декабря 1815 года. После известия о реставрации Фердинанда VII Центральная Америка, в которой в 1812 году происходили брожения, возвращается в состояние покоя (1814). Хунта Сантьяго-де-Чили сломлена, вновь признана власть королевского двора Испании. Из всей Кастильской Вест-Индии только государство Ла-Плата, несмотря на внутренние разногласия, которые там, как, впрочем, и повсюду, ослабляют патриотов, сопротивляется и не уступает вторичному захвату испанцев.

В 1815 году Фердинанд VII получает обратно свое королевство. Он пытается уничтожить конституцию, чтобы с 1812 года восстановить в Испании абсолютизм в его наивысшей форме. Он очень надеется силой вернуть полностью свое наследство. И только Ла-Плата не поддается, упорствует в своем стремлении к расколу, но надолго ли? Колониальная испанская Империя восстановлена, связь с прошлым возобновлена.

Каковы же причины этих неудач?

Международная обстановка: борьба, которую вела Англия во главе европейской коалиции, колебания и бездействие Соединенных Штатов оказали плохую услугу Латинской Америке в борьбе за независимость, оставив ее без естественных союзников.

Распространенные повсюду личное соперничество и борьба кланов раздирали креольские армии. Раздробленность страны, отсутствие общественного, этнического и географического единства парализовали идеи и людей. Испанцы сумели использовать это в свою пользу. Католическая церковь всем своим авторитетом давила на сознание верующих. Значительная часть, возможно треть, аристократии осталась верна делу короля либо как идеалу, либо из страха перед восстанием индейцев. Индейские *llaneros* способствовали поражению первого восстания в вице-королевстве Терра-Ферм. К тому же, например, в Новой Испании страх индейцев был для креолов началом благоразумия. Искусственное единство, которое испанцы придали естественной раздробленности страны во время завоевания, с трудом переносимое жителями, рухнуло вместе с испанским господством во время восстания. Восстание было делом местных властей, *cabildos*, этих робких попыток *self-government* (самоуправления) для креольской элиты. Независимость, рожденная партикуляризмом, должна была от него и погибнуть. Каждая повстанческая хунта действовала самостоятельно, без связи со своими соседями. Группы людей, разделенные огромными расстояниями, не желали взаимодействовать друг с другом, да и не могли. Здесь партикуляризм был человеческим выражением географической раздробленности. Единственно возможными связями на этих огромных пространствах в начале XIX века оставались морс-

кие сообщения. Испанцы, бывшие хозяевами моря, могли для борьбы против восставших, лишенных морского флота, перевозить свои регулярные армии, освободившиеся после установления мира в Европе. Им не составило труда подавить один за другим очаги сопротивления.

Местные ополчения были бессильны перед мобильными и сплоченными войсками из Европы. Вот почему испанцы выиграли первый тур.

II. 1817—1823.

Революция торжествует

Но обстоятельства не замедлили обернуться против них. По окончании войны в Европе объединенные в Священный Союз великие европейские державы, казалось, образовали вокруг Испании монолитную группировку, чтобы защитить в Америке строй, которому угрожала опасность. Не тут-то было. Великобритания, единственная держава, способная действовать, больше не скрывала своей заинтересованности в молодой республике и не заботилась о том, как пощадить чувства Испании, своего прежнего союзника против Франции. Она защищала огромный рынок, который предоставляла ей «свободная Америка». Англия, в которой в это время совершалась промышленная революция — на пятьдесят лет раньше остальной Европы, — не могла упустить уникальную возможность открыть новые рынки сбыта для своих молодых мануфактур. В решительный момент она почувствовала себя обязанной поме-

шать оказать любую эффективную помощь метрополии в ее борьбе против повстанцев. Симпатия Англии была активной и деятельной: у восставших креолов благодаря ей были оружие и деньги. Робкая в начале, но решительная в критический момент (1823) помощь молодой североамериканской республики, которая вышла окрепшей из кризиса второй Войны за независимость (1812—1814).

Внутри самой страны ветер повернулся против Испании. Правительству Фердинанда VII нужно было проявить крайнюю осторожность, чтобы хоть отчасти успокоить умы, на что оно было не способно. Резня, которой повсюду сопровождалась победа роялистов (7 тыс. восставших были казнены в Санта-Фе-де-Богота; в Каракасе — 1 тыс.), оставила неизгладимые воспоминания. Не в состоянии полностью контролировать свои войска на расстоянии в тысячи и тысячи лье, испанское правительство лишь частично было ответственно за эти ужасы. Война за независимость, за отделение восставших колоний от метрополии, была при этом и гражданской войной, в которой с характерной для подобных войн жестокостью столкнулись два лагеря белой элиты; временами это была классовая борьба, временами — борьба рас. Тем не менее правительство Фердинанда VII несло ответственность не только в глазах восставших, но и всего мира за зверства, совершенные его войсками. Еще важнее то, что скорые расправы уступили место мщению победителей: депортации, конфискации имуще-

ства, законное удовлетворение старой, долго копившейся злобы. Эта удушающая атмосфера вынудила побежденных вновь взяться за оружие.

Около 1817 года борьба возобновляется повсеместно.

Условия, которые вначале позволили испанцам победить, со временем обернулись против испанцев. Если раздробленность и беспредельность страны делали трудным, если не невозможным сплоченность восставших, то в данной ситуации они не оставляли надежды покончить с противником в тактически подготовленном бою. Гидра с тысячью голов, огонь, прячущийся в траве, — восстание, разгромленное в десяти местах, возрождалось в двадцати новых. Эта война для регулярных войск из Европы стала покрывалом Пенелопы. Война с противником, который великолепно знает местность и составляет в конечном итоге единое целое с ландшафтом, на котором развертываются военные действия. Он знает все ловушки этой чуждой европейцу природы, которая нанесла урон обеим сторонам, но испанской стороне больше, чем креольской, — урон, бесконечно превышающий потери в бою. Когда со временем восставшим удалось создать некое подобие военно-морских сил из корсаров, противник, утратив преимущество морских сообщений, потерпел жесткое поражение. У восставших наконец-то появляется целая плеяда руководителей, способных направлять их, обладающих огромным преимуществом перед испанцами, воодушевленных делом, которое они защищают.

Симон Боливар, освободитель Венесуэлы и Новой Испании, бывшего вице-королевства Терра-Ферм, возмужавший в изгнании, просвещенный событиями и готовый извлечь максимум пользы из новой ситуации. За его голову была обещана награда, и все же он высаживается с маленькой армией, прибывшей на судах, экипажи которых состояли в основном из англичан (1 января 1817 года). Шестью месяцами позже он неожиданно захватывает остров Ангостура в устье Ориноко и превращает его в укрепленный лагерь. В конце 1818 года он уже хозяин большей части долины Ориноко. Ему противостоит ужасный Морильо, подавивший всякое сопротивление в Новой Гренаде и Венесуэле и запятнавший себя особо кровавыми репрессиями. Но Морильо хороший капитан, и положение Боливара в течение всего 1818 года драматично. Тем не менее Боливару удается благодаря обещанию большого жалованья завербовать 6 тыс. англичан и ирландцев, ветеранов войны против Наполеона. На это ушла большая часть его состояния. Ему удалось также привлечь в свой лагерь *llaneros* — хитрый ход кресла с побережья. С этой разношерстной армией он овладевает Новой Гренадой. В конце июня — начале июля 1819 года во главе 2 тыс. индейцев и 500 англичан Боливар неожиданно бросается через Анды и, совершив рейд, перед которым меркнут все подвиги Ганнибала, проникает в долину Магдалены, где его ожидает деятельное сочувствие. Так рождаются Соединенные Штаты Колумбии; 17 декабря 1819 года голосо-

ваннем принимается конституция, Боливар становится президентом и военным диктатором. В 1820 году либеральная революция в Испании парализует противника. В 1821-м отзыв Морильо облегчает успех креола в Венесуэле. Победитель на побережье залива Маракайбо, «отец Родины» становится хозяином Картахены, древнего города — мученика за дело независимости, затем Каракаса (29 июня 1821 года). 30 августа 1821 года родилась третья Венесуэльская республика. Конституционная ассамблея, собравшаяся в Кукуте, дает стране радикально-демократическую конституцию. Она упраздняет не только инквизицию, но также, вопреки воле Боливара, и пожизненное президентство и военную диктатуру. 3 октября 1821 года уязвленный Боливар все же принимает президентство нового государства, но тут же отправляется к югу, куда его зовут новые приключения.

На самом юге, на другом краю Анд, появляется новый конкистадор независимости, тоже креол, Сан Мартин. Жозе де Сан Мартин-и-Маторрас родился в 1778 году, получил образование в Аргентине и в Испании, насколько позволяли ему его средства. С 1789 по 1811 год он приобрел на службе Испании военный опыт. В 1812 году вернулся на родину. В сентябре 1814 года Сан Мартин по назначению хунты заменил Бельграно в руководстве армии и реорганизовывал разношерстные ополчения своей страны по европейскому образцу. Сан Мартин был лучшим стратегом независимости. Он понял, что центр испанского

сопротивления находится в Перу: следовательно, надо было ударить именно в сердце Анд, чтобы победить испанскую империю.

Но в это время в Аргентине неспокойно: борцы за монархию и борцы за республику ополчаются друг против друга. Притязания Буэнос-Айреса наталкиваются на сопротивление всей страны. Несмотря на это, на конгрессе в Тукумане в марте 1816 года был заключен союз. 9 июля 1816 года формальная декларация о независимости разрушает этот гордиев узел. Чтобы скрепить только что достигнутое единство, Аргентина вслед за Сан-Мартинном бросается на помощь Чили, затем идет навстречу Боливару через перуанские Анды.

В конце 1816 года Сан-Мартин с армией из 3 тыс. пехотинцев, 1200 кавалеристов, 250 пушек, одной из самых сильных армий войны за независимость, бросается через Анды в авантюру, гораздо более отчаянную, чем поход Боливара. Ценой неслыханных усилий он преодолевает проход Успальята на высоте 4200 м над уровнем моря. В 1817 году Чили освобождена. С бескорыстием, которое напоминало о героях Плутарха и которого никогда не было у Боливара, он отклоняет предложение стать президентом республики.

Боливару и Сан-Мартину остается взорвать самый грозный бастион Перу, в течение трех веков бывший центром притяжения испанской империи. Испанцы, укрывшись в естественной крепости, которую образуют горные плато, расположенные на высоте от 3 до 4 тыс. м над уровнем

моря, между горными хребтами высотой от 6 до 7 тыс. м, одним своим присутствием угрожали хрупкой независимости бывших вице-королевств Терра-Ферм и Ла-Плата. Индейская угроза заставляла креольскую элиту Перу быть весьма сдержанной к идеям восстания. Только согласованные действия могли покончить с этим. Несмотря на свою раздробленность и удаленность, восставшим удалось их организовать.

Но между Перу и Чили, закрепившей независимость победой при Майпу (апрель 1818 года), простирается пустыня Атакамы. Сан Мартину никогда бы не удалось достичь Перу без помощи лорда Кокрейна. Этот вельможа, искатель приключений, отдавший служению американской независимости свой навигационный опыт, был самый обаятельным из всех корсаров независимости. Морские разбойники и герои, они пришли со всех концов мира на службу молодой республике. Жажда наживы, идеалы, тяга к приключениям поставляли новым государствам моряков и корабли. Повстанцам, благодаря снисходительности Англии, удается таким образом превзойти на море своего испанского противника. Но не это было причиной победы. Благодаря флоту Кокрейна Сан Мартин проникает в Перу: вице-король вынужден покинуть Лиму. Независимость провозглашена в 1821 году. Испанское сопротивление создается в горах. В это же время Боливар направляется к югу: в 1821 году он присоединяет Эквадор к великой Колумбии. Памятная встреча двух героев независимости состоялась 26 и 27

июля 1822 года. Сан-Мартин уезжает, удрученный подозрениями, и оставляет Боливару заботы о завершении того, что он начал. Он отправляется в Европу, где умрет в неизвестности в 1850 году. Испанцы вновь собираются с силами. Лима снова захвачена; но уже в 1824 году, одержав победу при Аякучо (9 декабря), лейтенант Боливара Антонио Хосе Сукре окончательно подавил сопротивление испанцев. 18 января 1826 года сдаются сопротивлявшийся до сих пор гарнизон Кальяо. За исключением Кубы и Пуэрто-Рико, испанская Америка свободна.

Действительно, независимость Новой Испании теперь является свершившимся фактом. Генерал Итурбид подавил восстание Морелоса с помощью высшего духовенства и части аристократии, обеспокоенной демократическими тенденциями восстания. Итурбид был честолюбив. Как только в 1820 году новость о либеральной революции в Испании достигла Мексики, он понял, какую выгоду сможет извлечь. Пользуясь более или менее открытой поддержкой своих бывших соратников, высшего духовенства и аристократии, напуганных на этот раз новыми тенденциями испанского правительства, он заставляет провозгласить себя императором Мексики. Но вскоре он поссорился с созданной им Ассамблеей. Его жестокость оказалась бессильна усмирить восстания. 19 марта 1823 года его заставили отречься. После попытки еще раз захватить власть он был расстрелян 18 июля 1824 года.

Мексика была образована по образцу Соединенных Штатов в форме федеральной республики. С 1821 по 1824 год бывшая *audiencia* Гватемалы освободилась и образовала федеральную республику по мексиканской модели.

После десяти лет ожесточенной войны, состоявшейся из успехов и поражений, различные части Кастильской Вест-Индии завоевали свою независимость, но ценой великих разрушений, ценой единства, которое составляло гордость Испании. Совсем иначе обстояло дело с независимостью Бразилии: она отделилась от метрополии как созревший плод, без ненависти и особого шума.

III. Независимость Бразилии

25 января 1808 года изгнанный из Португалии армией Жюно регент дон Жоао, который правил страной от имени королевы Марии Безумной, прибывал вместе с ее двором в порт Бани.

Порты Бразилии открываются для кораблей и торговли с заграницией. В 1810 году подписан договор о торговле с Англией. Обосновавшись в Рио-де-Жанейро, просвещенное правительство регента учреждает в стране ряд органов современного государства.

Поражение Наполеона вначале не меняет ситуацию. Бразилия сохраняет автономию в системе «единого королевства Португалии, Бразилии и Альгарробо» (20 марта 1816 года). Став

королем по смерти Марии, 20 марта 1810 года. Жоао VI находится в Бразилии до 1820-го, когда португальская революция 1820 года, эхо испанской революции, призывает его в Европу. Он оставляет регентство своему младшему сыну дону Педру. Но португальские кортесы намереваются восстановить в бывшей колонии старый порядок. Они становятся причиной разразившегося кризиса. 9 января 1822 года дон Педру вынужден взять на себя обязательство не покидать страну. Чтобы избежать наихудшего, он, при молчаливом одобрении своего отца, сближается с монархически настроенными элементами Бразилии, стремившимися к независимости без республики. Независимость провозглашается 7 сентября 1822 года. 12 октября дон Педру становится конституционным императором Бразилии. Последние гарнизоны Португалии изгнаны на следующий год заботами лорда Кокрейна. В августе 1825 года, уступая настоятельным просьбам Англии, содержащим угрозы, Португалия признает совершившийся факт.

IV. Дипломатическое признание молодых республик. Декларация Монро

Латинская Америка свободна. Официальное дипломатическое признание было всего лишь утверждением свершившегося факта. С 1815 года Испания старалась получить помощь Европы для усмирения восстания.

Но Англия Каннинга слишком хорошо знавала свои интересы, чтобы допустить великие европейские державы во владения, которые она считала территорией исключительного пользования для своей торговли. Молодая североамериканская республика, со своей стороны, извлекла пользу из краха колониального пакта на том же основании, что и Англия. Совместная интервенция стран — членов Священного Союза была бы для нее равносильна смертному приговору. В 1819 году она официально принимала представителя Колумбии, Манюэля Торреса, которого спешно направил Боливар, чтобы получить займы, оружие и признание новой республики. В 1822 году во время символической встречи Монро и Торреса (14 июня) Соединенные Штаты официально признали Великую Колумбию. 12 декабря пришел черед Мексики. В последующие годы в Латинской Америке размещается дипломатическое представительство Соединенных Штатов.

Соединенные Штаты вступили на путь, по которому за ними последовали все великие европейские державы. Испания и Святой Престол в конце концов вынуждены были отступить. В 1823 году, когда Франция, выполняя от имени Европы решения Веронского конгресса, восстановила в Испании абсолютную власть Фердинанда VII, мог возникнуть вопрос: не будет ли восстановление распространяться на всю Америку. Правительство Вашингтона, которому в этот мо-

мент угрожали притязания России на побережье Тихого океана, было отражением страхов, которые мучили Америку. Был период, когда возникла мысль о сближении между Соединенными Штатами и Великобританией с целью выработки совместной декларации. Проект остался без последствий. Но Англия дала понять, что не потерпит интервенции в Америке. И она имела для этого средство: флот.

Таким образом, декларация Монро осталась бесплодной попыткой. В послании, адресованном Сенату 2 декабря 1823 года, Монро четко изложил основные принципы американской политики. Соединенные Штаты оказали бы сопротивление любому вмешательству Европы в дела Америки. Еще одна безрезультатная попытка в 1823 году. Знаменитая декларация была тем не менее политической темой Соединенных Штатов на протяжении более века. Она определяла в отношении Латинской Америки общеамериканскую солидарность. Воспринятая без энтузиазма самой Америкой, она стала вскоре гарантией ее независимости по отношению к Европе, но только по отношению к Европе.

**ПАНАМА.
ПОПОРАЖЕНИЕ БОЛИВАРА.
ТРИУМФ РАЗДРОБЛЕННОСТИ**

Какое-то время спустя после декларации Монро Панамский конгресс, который состоялся на перешейке в 1826 году по инициативе Боливар, сделал более серьезную попытку укрепить американскую солидарность изнутри. Войны за независимость спровоцировали взрыв в Кастильской Вест-Индии и породили несколько республик. Боливар, который управлял большей частью этих государств: Венесуэлой, Колумбией, Перу, Боливией, попытался осуществить объединение республиканской Америки перед лицом постоянной угрозы со стороны монархической Европы. Все американские государства были созваны на конференцию благодаря стараниям дипломатии освободителя. Но явно выраженная враждебность Англии, которая не могла допустить, чтобы под видом политического союза была образована мощная держава, способная диктовать ей условия в сфере торговли; недоверие Соединенных Штатов, которые отказались предоставить полномочия своим делегатам (те прибыли уже после закрытия сессии); наконец, внутренняя раздробленность латиноамериканского мира, география которого усложняла слишком долго сдерживаемые требования. атмосфера анархии, в которой проходили дебаты только что созданных государств, всеобщее недоверие, поддерживаемое

английской дипломатией (ни Объединенные Провинции Рио-де-Ла-Платы, ни Чили, ни Бразилия не прислали своих представителей), – всех этих поводов оказалось вполне достаточно, чтобы опередившая свое время попытка провалилась.

Пришел час раздробленности Латинской Америки: только Бразилии удалось сохранить единство своего колониального прошлого. После Панамы происходит взрыв в Великой Колумбии; в 1839 году Объединенные Провинции Центральной Америки дробятся. После создания Панамы (1903) на территории испанской Америки остаются девятнадцать государств.

Часть третья

**Латинская Америка
свободна?**

**От колонизации иберийской
к колонизации янки**

Латинская Америка получила независимость, пожертвовав своим единством. Для континента начинается эра раздробленности, хаоса и анархии. Освободившись от колониального режима, Латинская Америка вскоре узнает другие виды колонизации. Она будет с трудом пытаться освободиться от оказываемого на нее влияния: со стороны постепенно отступающей Европы и со стороны наступающей англосаксонской Америки.

В течение этого периода усиливаются контрасты между двумя Америками. При невозможности достигнуть хоть какого-то политического равновесия, при экономической отсталости и демографическом отставании Латинской Америки¹¹ на севере Рио-Гранде создается первая держава мира. Связь между этими двумя фактами очевидна: политическая нестабильность вследствие экономической отсталости — классическое объяснение; ограниченное объяснение. Связь между этими явлениями не столько причинно-следственная, сколько взаимопротиводействующая, но если необходимо во что бы то ни стало решить эту дилем-

¹¹ Население Соединенных Штатов увеличивается с 2,5 млн жителей во время войны за независимость до 105 млн жителей в 1920 году. Территориально превосходящая их Латинская Америка теряет свое изначальное преимущество. С 200 млн жителей ее население сокращается до 94 млн за тот же период времени. Но начиная с 1920 года темпы прироста населения в Латинской Америке превосходят показатели в англосаксонской Америке. В 1960 году в Соединенных Штатах и Канаде насчитывалось в общем 195 млн человек, в Латинской Америке — 215 млн, а в 1970 году соответственно 226 и 290 млн.

му, то мы предпочли бы ответить, как Макс Гудман и Престон Джеймс: политическая нестабильность Латинской Америки — следствие экономической отсталости. Экономическая отсталость Латинской Америки — это, конечно, аспект одного этапа ее исторического развития, который она уже частично преодолела и который был обусловлен ее прошлым и ее географическими особенностями.

Конкистадоры на века оставили отпечаток своего завоевания на ее истории. Латинская Америка остается страной, которую не только эксплуатируют, но и грабят. История колониальной Бразилии и история ее циклической экономики симптоматична в этом отношении: когда почва истощается, население идет дальше на юг или запад, оставляя позади опустошенную землю, которой не может вернуть то, что у нее отнято. Страна Эльдорадо, Латинская Америка, всегда была лишь огромным карьером, каким остается и поныне. Современная Бразилия, за исключением государства Сан-Паулу и нескольких областей на юге, колонизированных великой европейской атакой во второй половине XIX века, будучи на 9/10 больше территории Европы, еще и в 1948 году оставалась страной, где в сельском хозяйстве применялись огонь и мотыга, а плуг являлся предметом роскоши: расточительность в отношении к природным ресурсам и к рабочей силе — слишком дешевой, чтобы беречь ее. Общество, в котором рабство было уничтожено лишь

в 1888 году, породило менталитет, который не изжит до сих пор¹².

В середине XIX века, в пору индустриальной революции, Латинская Америка, которой мешали ее историческое прошлое и географические условия континента, не была готова воспользоваться случаем. Как стрекоза из известной басни, южноамериканская аристократия, которая изо дня в день проматывала доходы, удовлетворяя свои прихоти и жажду к роскоши, оказалась сильно стесненной в капиталах, когда наступила эра великих технических преобразований. Когда понадобилось соединить железнодорожными путями зарождающиеся очаги цивилизации, которые колониальное прошлое образовало по всему континенту, Латинская Америка, с ее историческим багажом и рельефом, оказалась перед почти неразрешимой задачей. В настоящее время в Латинской Америке на площади в 21 млн кв. км общая протяженность железнодорожных путей составляет 90 тыс. км, в то время как в Соединенных Штатах только на 7,8 млн кв. км приходится более 500 тыс. км путей. Наконец, основная проблема: этот обширный карьер с огромными ресурсами в решительный час XIX века оказался почти полностью лишен каменного угля, этого меркла экономической мощи.

¹² В Бразилии в 1850 году насчитывалось еще 3,12 млн черных рабов при общем населении в 7,1 млн человек.

Это мешает дальнейшему развитию, и будет мешать до тех пор, пока сохраняется значение угля.

Экономический и политический хаос — два аспекта одного и того же явления, которые всегда сопутствуют друг друга. Последовавшие за получением независимости годы были отмечены внутренней борьбой и межамериканскими войнами. Иберийскоамериканские страны одна за другой вышли из этого периода. Страны, которые первыми воспользовались плодами процветающей экономики, первыми получили нормальный конституционный строй: Бразилия, Чили, Аргентина. В середине XIX века общесгвенные потрясения, связанные с независимостью, начинают ослабевать, революции в целом происходят реже, но в маленьких республиках Центральной Америки до сих пор нет внутреннего мира. Только великая эра процветания с 1918 по 1929 год отмечена относительным покоем. Углубляться в тайны сложной внутренней политики было бы довольно утомительно. Мы ограничимся тем, что выделим несколько наиболее очевидных аспектов.

Лишенные капиталов, неспособные навести порядок в своем собственном доме, иберийскоамериканские республики были и остаются по сей день соблазнительной добычей для великих экономических держав. Когда в 50—60-е годы наступило время промышленной революции, Латинская Америка вся целиком попала в сферу европейской экономики. Приток поселенцев в Ар-

генти́ну и на юг Бразилии коренным образом изменил этнический состав населения этих стран. Латинскую Америку как финансовую колонию Европы наводнили капиталы, стекавшиеся из великих индустриальных держав, прежде всего Англии, Франции, Германии, — разумеется, с особым расчетом. Избавившись от иберийского колониального владычества, Латинская Америка попадает, так сказать, в коллективное управление Европы.

Но постепенно вырастает тень третьего жулика, Соединенных Штатов, распространяясь все дальше и дальше по карте Латинской Америки. Благодаря природным свойствам земли и ее недрам, а также благодаря необычайной активности населения великая американская республика в течение всего XIX века, после окончания колонизации своей территории, была в состоянии удовлетворять свои аппетиты, направленные к югу. Великие катастрофы Первой и Второй мировых войн усиливают на всем американском континенте позиции Соединенных Штатов, ослабляя Европу.

Такова в общих чертах 120-летняя история.

Глава 1

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ

Аполитичное умонастроение, свойственное латиноамериканскому темпераменту, обостренное социальными структурами, унаследованными от колониального периода, и пассивностью двадцати лет борьбы за независимость, определяет внутривнутриполитические трудности.

Очень легко впасть в заблуждение, изучая бесчисленные конституции, которые принимались одна за другой в различных государствах Латинской Америки. Нет ничего более обманчивого, потому что в них вы увидите одни и те же декларации прав, в большей или меньшей степени копирующие образец Джефферсона или французский вариант, одни и те же описания политических систем с традиционными атрибутами: разделением властей, передачей законодательной власти одной или двум палатам, сильной исполнительной властью по американскому образцу, гарантирующей юридическую независимость,

широким избирательным цензом и почти повсеместным всеобщим избирательным правом, — потому что весь этот аппарат скрывает истинное положение, ибо в стране *virtù* (латинское понятие) люди значат больше, чем политические институты. Латинская Америка всегда была страной сильных личностей: это страна Кортесов и Писарро, Боливаров и Сан Мартинов, а также Росасов и Порфирио Диасов.

Кроме того, конституционные гарантии не находят солидной опоры в социальных структурах, которые были унаследованы от колониального прошлого: политическая революция их не изменила. Как и прежде, между крупной земельной аристократией и массой неграмотных метисов и индейцев отсутствует прослойка среднего класса.

В течение длительного времени власть колеблется между *caudillo*, уполномоченным земельной аристократией и высшим духовенством, и *caudillo*-демагогом, который временами сотрясает аморфные массы, обузу государства, способные быстро подняться и еще быстрее вернуться в привычную апатию. Индейские массы, до сих пор отягощенные системой кабального труда пеонов, а также, хоть и в меньшей степени, аристократия, которую авторитарное правительство колониальной Испании не подготовило к новой политической ответственности, были политически бездейтельны. Двадцатилетние войны за независимость, приумножив материальные разрушения и дав волю индивидуалистским стремлениям, лишь ухудшили положение вещей.

Этим объясняются внутренние трудности: для различных государств эра чередующихся анархий и диктатур всегда рано или поздно приводит к установлению конституционного строя. Три страны имели здесь преимущество: Бразилия, Чили и Аргентина, все три частично находятся в умеренной зоне.

Бразилия в этом мире смут была своего рода оазисом — может быть, потому, что она не пережила кризиса войн за независимость, а может быть, потому, что она до 1889 года сохраняла монархический строй, который, несмотря на свои слабости, защищал ее от больших политических потрясений. Дон Педру был коронован 1 декабря 1822 года и стал конституционным императором Бразилии. Его царствование было отмечено борьбой между абсолютистскими претензиями суверена и либеральными чаяниями элиты. В 1831 году бунт заставил дона Педру отречься.

Регентство (1831—1840), которое длилось до совершеннолетия Педру II, было периодом смут. Педру II, которого Виктор Гюго великодушно называл «внуком Марка Аврелия», имел все качества политика: просвещенный, интеллигентный, ответственно относящийся к своим обязанностям, недоверчивый по отношению к католической церкви, он в зависимости от обстоятельств опирался либо на либеральную, либо на консервативную партии, в которых как в Бразилии, так и во всей Латинской Америке оформились основные тенденции общественного мнения. Но монар-

хни суждено было в конце концов пасть, потому что необходимо было решить проблему рабства в плане его уничтожения.

В 1869 году либеральная партия присоединилась к аболиционистам. В 1871 году она поставила на голосование закон, который автоматически освобождал любого ребенка, рожденного матерью-рабыней, и, следовательно, означал исчезновение в ближайшем будущем рабства, которое уже было отрезано от своего африканского источника. Рабовладельцы питали смертельную ненависть к строю, который они считали ответственным за свое разорение. Несколько неудачных мер сделали их союзником высшее духовенство. Во время пребывания императора в Европе правительство регентши Изабеллы провело закон от 13 мая 1888 года, который уничтожал рабство и освобождал одним махом 700 тыс. рабов, которые еще оставались в империи. Эта мера положила конец строю, свергнутому в 1889 году путем государственного военного переворота, который тайно поддерживали разоренные рабовладельцы.

Изгнание Браганской династии стало началом трудного периода, длившегося четыре года до прихода к власти Мораэса Барроса. Политический кризис 1924 года заметно не потревожил страну, которая с 1890 по 1929 год пережила потрясающий взлет. Первая мировая война не затормозила ее развитие, совсем наоборот. Кризис 1929 года и Великая депрессия тридцатых годов, ударившая особенно сильно по главной монокультуре страны – кофе, поставили перед Бра-

зильней проблемы, которые мы находим во всей Латинской Америке. Экономический застой, боязнь коммунизма вызвали как реакцию движение фашистского толка — *Accao Integralista Brasileira*. Президент Варгас усмирил обе оппозиции (1937), его энергичное и решительное правление привело Бразилию в ряды Организации Объединенных Наций и в лагерь победителей. Бразилия, будучи островком внутреннего мира, что объясняется по большей части ее процветанием, держится особняком, чтобы избежать потрясений первых лет независимости.

Ни одна из латиноамериканских республик не составляет исключения: на исходе эпохи независимости они все прошли через чередующиеся периоды анархии и диктатур.

Чили с 1833 года первой вышла из хаоса и достигла эры нормального политического развития, после периода жестоких гражданских войн, когда лицом к лицу столкнулись обе партии, партия консерваторов (*pelucones*) и либералов (*pipiolos*). Конституция 1833 года, служившая основой политической жизни страны до 1925 года, должна была открыть в истории Чили эру стабильности, отмеченной в национальном плане победой на юге над арауканами и победоносной войной на Тихом океане (1879—1883).

Аргентина преодолела период политических конвульсий только после пятидесяти лет кризиса. Все способствовало тому, чтобы начало вели-

кой республики было мучительно трудным: разделение вице-королевства Ла-Плата на четыре государства — Аргентину, Уругвай, Парагвай, Боливию — и, как следствие, пограничные споры, которые оно должно было вызвать; столкновение интересов соперничающих между собой Буэнос-Айреса и провинций; независимый дух населения, в большинстве своем выходцев из Наварры, Арагона и Страны Басков. Централизм и федерализм, воплощавшие в себе разнонаправленные притязания Буэнос-Айреса и провинций, расположенных внутри страны, решали свои конфликты силой оружия. Их победы и поражения были победами и поражениями армий *caudillos*, которые использовали их знамена для своего собственного дела.

В руководстве республики вожди сменяли один другого, но в декабре 1829 года коалиция крупных землевладельцев и торговцев поставила Росаса на пост губернатора провинции Буэнос-Айрес. В течение двадцати лет Росас напрасно пытался распространить свою власть на всю страну. В течение двадцати лет все попытки отобрать у него власть остаются безуспешными. Энергичный и интеллигентный, но при этом исполнявший свои обязанности главы государства с грубоватостью, свойственной жизни гаучо, которую он когда-то вел, Росас в конце концов был сломлен разношерстной коалицией, поддерживаемой Бразилией.

1852 год. Тринадцать провинций присвоили Уркисе, победителю Росаса, титул «временного директора аргентинской конфедерации», но раз-

досадованный Буэнос-Айрес отказался при-
мкнуть к конфедерации. В 1862 году государство
Аргентина восстановило свое единство. Буэнос-
Айрес снова занял положение столицы. Аргенти-
на вышла наконец из периода политического ха-
оса.

Для Пампы наступила эра великого процве-
тания. Бывший поставщик кожи в эпоху колони-
ализма под наплывом поселенцев и капиталов из
Европы превратился в огромную фабрику по про-
изводству мяса и в гигантскую житницу. Причи-
ной или следствием политической стабильности
стало это экономическое процветание? В преоб-
разованной Аргентине аристократия крупных
землевладельцев сохранила свое огромное обще-
ственное и политическое влияние. К тому же яви-
лось ли большим событием для страны избранне
в 1916 году президента Иполито Ирригойена в
результате выборов, проведенных на этот раз дей-
ствительно всеобщим голосованием.

Впервые к власти пришел человек из народа.
Ирригойен, несмотря на свои огромные полномо-
чия, не оправдал всех надежд, которые на него
возлагали приверженцы. Его социальную поли-
тику постоянно тормозили трудности, вызванные
войной и Депрессией двадцатых годов. Он дей-
ствовал скорее в интересах рабочих, чем
для класса фермеров, крупных собственников,
наследников завоевания, находившихся в нена-
дежной ситуации. Для рабочих он добился до-ста-
точно прогрессивных социальных законов
относительно сокращения продолжительности

рабочего дня, минимальной заработной платы, арбитража по разбору производственных конфликтов. Потому что эти вопросы входили в сферу интересов иностранных капиталистов. После 1922 года раскол партии радикалов парализовал социальную политику, намеченную Ирригойеном.

В 1928 году Ирригойен снова пришел к власти и стал президентом, но диктаторские наклонности или, скорее, Великая депрессия привели к его падению в мае 1930 года. Аргентину, как и всю Латинскую Америку, потряс кризис. Вместе с ним пришли и политические трудности. В 1937 году президент Ортин организовал ряд мер — подлинно аргентинскую *new deal**: переориентация производства, благоприятствование экспорту — вот актуальные для того времени темы, которые поддерживало увеличение объема закупок для Европы накануне войны. Аргентина уже почти вышла из кризиса, когда в 1940—1941 годах внезапно начавшаяся Вторая мировая война и исчезновение европейского рынка подвели ее к новым трудностям. Симпатии части общественного мнения, поддерживаемого крупными землевладельцами, к великим державам Оси и недоверие великой латинской республики к Соединенным Штатам заставляют Аргентину держаться в стороне от лагеря союзников.

Уругвай, длительное время разрывавшийся между Аргентиной и Бразилией, до 1872 года

* *New deal* — новая политика (англ.). - *Ред.*

страдал из-за соперничества своих больших соседей и из-за ожесточенной порою борьбы между *blancos* и *colorados* - белыми и цветными. Массовый приток европейских поселенцев после 1870 года и экономическое развитие республики привели к стабильности в стране. Уругвай вместе с Аргентиной, Чили и Бразилией представляют широкую полосу процветания и политической стабильности, которая пересекает юг американского континента.

Вне этой зоны процветания, ориентированной на Европу, в республиках тропической Америки, в Америке плато, все происходит совершенно по-другому. Индейцы — 90%, а иногда и больше от общей численности населения — являются там элементом политической нестабильности. Старое креольское население, которое не было обновлено посредством иммиграции, сохранило от колониальной эпохи комплекс своего социального превосходства и неспособность продвигать экономические интересы страны. Следствием этого стала экономическая отсталость. Этим объясняется затянувшийся период смут и диктатур, перешагнувший далеко за пределы 60-х годов, тогда как в республиках Ла-Платы он уже закончился к этому времени.

Боливия является показательным примером этих мятежных республик. С 1820 по 1898 год, после ухода Боливара из власти, произошло не

менее шестидесяти вооруженных восстаний, были провозглашены десять конституций и убиты шесть президентов. Слова консерваторов и либералов, не подкрепленные политической и социальной реальностью, указывали лишь на стремление этих фракций к власти. Огрезанная от Тихого океана после неудачной войны с Чили (1879—1883), Боливия дорого заплатила за напасти отсталой экономики. С 1898 года страна вступила в эру относительного покоя.

Во многих отношениях это напоминает историю Перу: череда революций, стремительно следующих одна за другой и создающих определенный ритм правлений президентов *caudillos*. За 50 лет, прошедших с 1821 года, когда была утверждена Перуанская республика, можно насчитать сорок мятежей и пятнадцать конституций. За один только 1834 год были избраны и смещены восемь глав исполнительной власти. В 1895 году Перу вступает в эру относительного спокойствия. Несмотря на образование демократической партии, состоящей почти исключительно из аристократии, несмотря на попытки некоторых политических деятелей выступить в защиту индейского населения, традиционные силы католической церкви и крупной земельной аристократии остаются основной политической силой страны.

Парагвай, маленькая индейская республика, погрязшая в насилии, стала жертвой амбиций своего диктатора Лопеса, настоящего индейского Наполеона.

У Эквадора, Колумбии и Венесуэлы своя бурная история. За 80 лет, с 1830 года, Эквадор сменил двенадцать конституций, Венесуэла — одиннадцать, Колумбия — только семь, но в ней до 1903 года произошло не менее семидесяти революций, иногда чрезвычайно кровавых, было убито 80 тыс. человек в 1879 году и 100 тыс. с 1899 по 1903 год. В Венесуэле за тот же период — пятьдесят две революции. Колумбия страдает от своей естественной изолированности. Обе страны, долины Каука и Магдалены, разделены грядой Анд, никаких точек соприкосновения между плато Боготы, районом Медельин, преобразованным текстильной промышленностью, портами Картахена и Баранкилья, обращенными к загранице. Поочередное пребывание у власти консерваторов и либералов означало здесь больше, нежели борьбу фракций. Тут прежде всего следует упомянуть двух президентов — Томаса Москеру и Рафаэля Нуньеса. Президент Москера попытался дать стране экономическое оборудование, поднять уровень народного образования; будучи враждебно настроен против политических претензий высшего духовенства, он с 1861 по 1864 и с 1866 по 1867 год производит изгнание иезуитов, упразднение монастырей, конфискацию церковного имущества, совершает самую настоящую колумбийскую *Kulturkampf*. Либеральные идеалы Москеры отражаются в положениях новой конституции, которая отменяет смертную казнь и гарантирует — факт почти беспрецедентный в Латинской Америке — свободу вероисповедания.

Наряду с этим либеральным героем, герой-консерватор Рафаэль Нуньес находит поддержку у духовенства и класса крупных землевладельцев. Он возглавляет исполнительную власть с 1880 по 1894 год. С 1903 года политическая жизнь Колумбии развивается по конституционному пути.

Маленькие центральноамериканские республики, появившиеся в 1839 году в результате разделения Объединенных провинций Центральной Америки: Гватемала, Сальвадор, Гондурас, Никарагуа, Коста-Рика, Панама, созданная янки для нужд канала, — еще не вступили в эту стадию. То же самое происходит и с **антильскими республиками**: Гаити, Доминиканской Республикой, Кубой. Это область нестабильности, неразвитости, область североамериканского влияния.

Североамериканское влияние и бурная политическая жизнь — вот две главные характеристики истории **Мексики**. Самое большое государство, появившееся после разделения испанской Америки, уменьшившееся наполовину в результате потери удаленных от центра владений бывшего вице-королевства Новой Испании (1848). Тем не менее с площадью 2 млн кв. км она остается одной из великих держав Латинской Америки.

Ее бурная история — показатель опасного дисбаланса общества, еще более аристократического, чем в других иберийскоамериканских республиках. Индейский контингент здесь менее пассивен, чем в Андах, и стремится занять место,

на которое претендует по праву своей численности. Положение усложняется присутствием Соединенных Штатов и привлекательностью для европейского империализма и янки богатых рудников.

Как и в других индейских республиках, обретение независимости сопровождалось периодом насилия и опасностей, который длился до прихода к власти Порфирио Диаса (1877). Две сильные личности доминируют в этот период. Это *caudillos* Санта-Ана, креол, победитель Техаса (1836), и индеец, Бенито Хуарес, противник Макси, которому покровительствовали Соединенные Штаты.

С приходом к власти самого великого из всех, метиса Порфирио Диаса, для Мексики начинается полувековой (1877—1912) период экономического процветания или, точнее, грабежа. Природные богатства страны стали добычей американских и особенно английских капиталистов. Предоставляемые им концессии — это настоящий грабеж. Английские и американские компании набрасываются на нефтяные поля Мексики. Концентрация имущества в ущерб индейским общинам усиливается. Большая часть земель Мексики находится в руках нескольких семей.

Эта социальная политика объясняет революцию 1912 года, которая вызвала такой взрыв насилия и жестокости, что понадобилось двадцать пять лет, чтобы на земле Мексики снова воцарился мир. Революция — это результат движения за раскрепощение индейского населения и

освобождения экономики индо-американских республик от влияния иностранного капитала. Исходящие от Университета Лимы идеи индологов победили в Мексике. Шестилетний план президента Карденаса, разработанный в 1933 году, — это попытка достичь экономической независимости страны: раздача земель крестьянам, техническая оснащённость добычи природных ресурсов и освобождение ипотеки, на которую оказывала давление политика Диаса, борьба против католического духовенства, которая рассматривалась как поддержка противников режима (хотя эра насилия и жестокости уже давно закончилась), национализация железных дорог, борьба против крупных нефтяных компаний.

20 марта 1938 года было экспроприровано семнадцать предприятий. Они оценивались в 400 млн долларов. Освободить страну от иностранной ипотеки, продвигать национальный социализм, основанный на мексиканских реалиях, — таков смысл революции в Мексике, самой интересной из когда-либо делавшихся в Латинской Америке попыток решить столь оригинальным способом политическую и социальную задачу.

Межамериканские отношения. Но нестабильность является фактом не только внутренней истории. Она сопровождается войнами между государствами, родившимися как следствие независимости. Нечётко проведенные границы, интриги политических беженцев, притязания

страдающих манией величия самодуров а-ля Лопес, а порой и внешние интересы в Латинской Америке — таковы некоторые причины межамериканских войн.

Шесть войн столкнули друг с другом иберийско-американские государства, начиная с Войны за независимость. Во время первой (1825—1828) Объединенные Провинции встретились с сопротивлением Бразилии. Пограничный спор, начало которого восходит к колониальному периоду и заканчивается созданием Уругвая — буферного государства, пробуждается в замаскированном конфликте между Росасом и партией *blanco* в Уругвае, который был союзником Бразилии (1843—1852). С 1836 по 1848 год третья война сталкивает Чили и Аргентину с болливийским диктатором Андреасом Санта-Крусом, пинчатором обреченной на провал болливийско-перуанской конфедерации.

Амбиции диктатора Лопеса, который мечтал повернуть в южноамериканском масштабе наполеоновские авантюры, стали причиной парагвайской войны (1865—1870), которая привела к столкновению маленькой республики парагвайских индейцев со всеми ее соседями. Цифры переписи 1863 и 1871 годов позволяют оценить жестокость фанатичной борьбы, которую вел доведенный до иступления народ: 1863 год — 1 337 489 жителей; 1871-й — 221 079 (28 746 мужчин, стариков и инвалидов, 106 254 женщины, 86 079 детей). Только официальное разрешение полигамных браков помогло снова заселить страну.

Война за Тихий океан (1879—1883) между Перу и Боливией, с одной стороны, и Чили — с другой, окончилась победой Чили, армия которой, построенная по европейской модели, одержала победу над армиями противника. Она имела экономические причины: открытие и эксплуатация залежей нитратов в начале XIX века внезапно придали ценность великой пустыне Атакама, которую делили между собой Чили, Боливия и Перу. Несколько раз третейские суды пытались урегулировать скрытый конфликт между Чили и Боливией (1866—1874), но для Чили искушение было слишком велико. Несмотря на союз с Перу, Боливия была побеждена. Чили получила финансовую поддержку европейских капиталистов, недовольных грабительской политикой перуанского правительства по отношению к ним. Договоры от 1884 года были крайне суровы к побежденным, особенно к Боливии, которая потеряла выход к морю. Перу уступала Чили нитратную провинцию Тарапака. Чили на десять лет оккупировала районы Арика и Такна: Арика на изгибе горной цепи Анд была естественным выходом из Боливии, скрещением древних дорог, служивших когда-то доступом к рудникам Потоси.

Вскоре было принято мирное решение. Договор между Чили и Боливией от 20 октября 1904 года предоставлял Боливии право строительства железной дороги Арика — Ла-Пас, которое было осуществлено благодаря английским капиталам с 1906 по 1913 год. Это давало Боливии возмож-

ность естественного провоза ее продукции через бывшую перуанскую территорию. Оживленная строительством железной дороги Арика, которая насчитывала теперь более 29 тыс. жителей, вновь получала свое прежнее богатство в самом сердце пустыни, которым она обладала во времена былого величия, когда она служила воротами для капитала из высокогорного Перу. Процветание Арики стало залогом примирения двух республик Анд, так же как и постановление от 1929 года, которое положило конец старому скрытому конфликту.

В 1894 году Чили не освободила районы Такна и Арика, как обязана была сделать это по договору 1884 года. Из-за этого отношения между двумя государствами были испорчены больше чем на полвека. И арбитраж SDN, и арбитраж Соединенных Штатов оказались здесь бессильны. Оба правительства решили эту проблему двусторонним договором от 1929 года. Чили сохраняла Арику, в которую были вложены ее капиталы, и возвращала Перу район Такна.

Счастливым концом долгого конфликта открывал путь к урегулированию будущих конфликтов. Последняя война, залившая кровью Латинскую Америку, продолжалась с 1928 по 1929 и с 1932 по 1935 год. Боливия и Парагвай оспаривали пустыню Чако, которую считали хранительницей значительных нефтяных месторождений. Этот конфликт, возможно, был не только межамериканским. За ним, скорее всего, скрываются главные действующие лица, которые никогда не признаются в своей заинтересованности.

Тем не менее, вопреки междоусобным войнам, нет такого континента, который сделал бы больше, чтобы внести в международные конфликты правовое решение, который изучал бы с такой страстью вопросы международного права. Народы Вест-Индии, преодолевая раздробленность, являвшуюся географической данностью, сохранили неосознанное сожаление о былом единстве, как когда-то народы Римской империи после распада романского единства. Надежда на великое межамериканское единство, которую Боливар не смог оформить в политическом плане, остается идеалом, который никто не решился бы отрицать.

Конгрессы в Лиме в 1847 и 1864 годах, не сумевшие установить мир между иберийско-американскими державами, представителей которых они собрали за одним столом, тем не менее выразили общее стремление к этому идеалу. Этот идеал принял форму анти-янки в проектах Таможенного союза, составленных юристами Жозе Ф. Гомесом и Рикардо Бельтрам-и-Росшидом в период испано-американской войны 1898 года. Движение за иберийско-американскую солидарность поощрялось целой школой историков и интеллектуалов Испании.

Надо сказать, что такое представление о солидарности народов, объединенных одной культурой, было достаточно эффективно для мирного урегулирования пограничных споров, которыми полна история Латинской Америки: между Бразилией и всеми ее соседями: Венесуэлой, Колумбией, Эквадором, Боливией, Аргентиной; мирное разрешение

конфликта между Колумбией и Перу благодаря посредничеству Бразилии в 1934 году. Скольких конфликтов удалось избежать! Огромная надежда на единство в будущем. Да и иностранный империализм также помог Латинской Америке осознать единство своей культуры.

Глава 2

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ

На заре XIX века Латинская Америка сбросила колониальное иго. Но в мире, в котором великая техническая революция около 1850—1860-х годов провела своеобразные границы, она оказалась более чем когда-либо вовлечена в общий поток, несмотря на национальную изолированность. Мировое время принадлежало Европе, откуда пришла великая промышленная революция века и которая располагала огромными ресурсами людей и капиталов, освобожденных технической революцией. Можно задать вопрос: в какой мере Латинская Америка сменила колониальное иго на своеобразную коллективную опеку великих держав — участников промышленной революции.

I. Европейская иммиграция¹⁴

Структура населения Латинской Америки была коренным образом изменена. До XIX века это был индейский и негритянский континент. Погонь белой иммиграции наводнил умеренную зону Южной Америки: Аргентину, Уругвай и Бразилию. Они получили массу иммигрантов, которые изменили природу их населения.

Стоит ли этому удивляться? Начиная с 1750—1800-х годов промышленная революция создала на европейском полуострове человеческое сырье. С 1650 года до наших дней население с европейскими корнями увеличилось на 620%, а население неевропейского происхождения только на 320%. Поток иммигрантов, покинувших с 1850 года Европу, двигался в направлении Соединенных Штатов (26,18 млн поселились в Соединенных Штатах с 1820 по 1930 год), а позже — Латинской Америки (около 6 млн). В отличие от Соединенных Штатов, эту иммиграцию составляли в основном выходцы из латинских стран южной Европы, причем не столько из Испании и Португалии, сколько из Италии.

Это второе заселение Латинской Америки европейцами коснулось в основном умеренных стран: Аргентины, Уругвая, юга Бразилии и

¹⁴ См.: Walter F. Willcox, *International Migrations*. New York, 2 vol. in-4°, 1929—1931.

в меньшей степени Чили, — той части континента, которой пренебрегло иберийское завоевание, алчущее мегаллов и пригодных для сельского хозяйства земель. Оно связано с необычайным приростом населения в Европе, с появлением парохода, который в 1850—1870-х годах коренным образом изменил условия навигации в Атлантическом океане: путешествие за океан перестает быть авантюрой, на которую решаются лишь сумасшедшие или отчаявшиеся. Свидетельство тому — сицилийские «перелетные птицы», которые сначала собирают урожай северным летом в Италии, а потом в Пампе — южным летом. Строительство железных дорог за счет европейских капиталов позволило освоить колониальный континент. В темпе, соответствующем ритму экономической конъюнктуры, человеческий поток, источником которого была революция середины века и который то увеличивался во время кризиса в Европе, то уменьшался во время кризиса на берегах Ла-Платы, достигает ошеломляющих масштабов в 1900—1914 годах. В 1910 году 1,38 млн эмигрантов покидают Европу, почти половина из них направляется в земли Ла-Платы и Бразилии. Позже, когда Европа выходит обескровленной из Первой мировой войны, поток уменьшается и почти полностью иссякает в период Великой депрессии 30-х годов, которая тяжело ударила по экономикам южноамериканских стран.

После принятия Декларации о независимости (1810) Аргентина пыталась привлечь иммигрантов на свои целинные земли. Она предоставляла им более выгодный статус, чем своим собственным гражданам, но эти предписания возымели решающее действие только к 60-м годам, когда строительство первых железных дорог, великих *saladeors* (1867–1877), а в 1890 году промышленное использование методов заморозки позволили использовать ресурсы Пампы. В это время Аргентина окончательно вышла из эры анархии и диктатур.

С 1857 по 1926 год 5,742 млн иммигрантов въехали в Аргентину. Чистый прирост — 3,074 млн человек с учетом уехавших. В 1873 году Аргентина, традиционно ввозившая зерновые, экспортирует свой первый груз зерна. С 1903 по 1910 год во время огромного переселения из Европы чистый прирост иммигрировавших по отношению к людям, покинувшим страну, достиг 1,48 млн человек. В целом Аргентина получила латинскую иммиграцию порядка 80%: постоянно перемещающиеся сельскохозяйственные рабочие, не привязанные к земле, прибывающие и уезжающие в зависимости от циклических колебаний, пользующиеся отчаянной борьбой, которую вели судоходные компании, сводившие к нулю свои тарифы, чтобы привлечь этот бесценный груз — 47,3% итальянцев, до 1870 года 70% выходцев из бедных южных провинций, 32,3% испанцев.

Первая мировая война, внезапно остановив этот поток, который не мог быть ассимилирован

из-за своего объема, спасла Аргентину от грозившей ей опасности потерять свою испанскую индивидуальность.

Европейская колонизация Уругвая воспроизводит в уменьшенном масштабе колонизацию Аргентины. Прирост в 1 млн жителей с 1884 по 1925 год (с 520 тыс. до 1,667 млн) на 1/3 обеспечен европейской иммиграцией.

Поток, нахлынувший из Европы, преобразил Бразилию еще больше, чем Аргентину. Благодаря более чем 4 млн иммигрантов (чистый прирост около 2,5 млн с учетом уехавших) Бразилия, бывшая в начале века страной негров и индейцев, вот-вот станет великой белой нацией. Чтобы привлечь людей, кофейные короли Сан-Паулу использовали все возможные соблазны. Что было отнюдь не лишним. Надо было побороть отвращение, которое испытывали европейцы к режиму собственности, унаследованному от колониальной эры, к коллективной психологии, порожденной экономикой, слишком долго носившей рабовладельческий характер, а также к климату, который даже на юге создает предельные условия, которые способен выдержать европейский организм.

Итальянцы – 1 412 263 приехавших с 1884 по 1934 год (34%) – были в первых рядах. Они составляли основной контингент сельскохозяйственных рабочих в Сан-Паулу, где многие из них получили собственность. Следом за итальянцами прибыли 1,204 млн португальцев. Испанцы, 581 718 человек (14%), составили неожиданный для страны с португальским языком контингент.

И только немецкий элемент, сконцентрированный компактными и изолированными группами в государствах юга, представлял опасность для национальной целостности. Эра была окончательно завершена.

Европейская иммиграция коренным образом изменила структуры Бразилии. Этническая эволюция сместила центр к югу — от Баии к Сан-Паулу. В пропорциональном отношении количество белых увеличилось с 1872 по 1940 год с 30 до 51% в огромной степени благодаря европейской иммиграции. Она принесла очевидную выгоду стране, которая в большой мере именно сй обязана своим взлетом в 1880 году. Без нее кофейное процветание было бы невозможно.

Второе завоевание латиноамериканского континента европейскими народами, гораздо более значительное по масштабам приведенных в движение человеческих масс, чем первое, было более локализованным. Приток людей из Европы в Аргентину, Уругвай и Бразилию был слишком ограничен, чтобы заметно изменить этническое равновесие в тех странах, которых он коснулся. Чили получила 50 тыс. иммигрантов с 1880 по 1916 год, в основном романского происхождения, небольшой контингент немцев сосредоточился в районе Вальдивия и Льянкюэ; впрочем, количественный вклад повсюду был равен почти нулю. Этот вклад оказался важным в качественном отношении: кадры экономистов, руководителей предприятий, инженеров — горстка людей. В ка-

ественном или в количественном отношении представляет собой большую ценность маленькая колония Барселона в Мексике, которая держала в своих руках добрую часть мексиканской торговли?

Второе заселение европейцами Латинской Америки в основном не выходит за пределы умеренной зоны континента.

II. Дополнение к европейской экономике

Это заселение способствовало превращению всей Латинской Америки целиком в дополнение к европейской экономике. Участвовавшая, как и весь остальной мир, в великой революции новейшего времени, Латинская Америка была скорее всего вовлечена в нее, а не являлась ее движущей силой. С самого начала она испытала контр-удары промышленной революции, которых не пережила. В 1850--1860 годы экономика, которая сложилась на юге Рио-Гранде, была вассальной экономикой Европы. Она поставляла сырье и продовольствие, взамен получая товары, которые не способна была производить. Эту экономику питали европейские капиталы.

Европа, фабричный улей мира, выкачивающий сырье из новых континентов, — такой образ был верен до 1914 года и абсолютно повторился в период между двумя мировыми войнами. Именно такую картину воспроизводит Анд-

ре Зигфрид в своей работе «*Amerique latine*». Накануне кризиса 1929 года реальность, характерная для периода до 1914 года, несколько изменилась. «Южная Америка» остается «почти исключительно экспортером сырья. Во всех странах сырье составляет не менее 80%, обычно даже больше 90%, иногда чуть ли не все 100% всего экспорта. В то время как доля промышленных товаров, продающихся за границей, в процентном отношении равна почти нулю». Согласно ежегодной статистике SDN за 1931—1932 годы, которой пользуется Андре Зигфрид, в 1929—1930 годы промышленное сырье составляет для Боливии 98,8%, для Бразилии — 98%, для Аргентины — 90% от общего экспорта стран Южной Америки. Экспорт всегда значительно превышает по цене и весу импорт, так как Латинская Америка вынуждена платить тяжелую дань иностранному капиталу, особенно европейскому. Именно в Европу движется сырье, выжидаемое из земель и недр Латинской Америки. Из Европы поступают промышленные товары. Цифры говорят сами за себя. Эрнст Дени пишет в своей работе «*Amerique du Sud*»: «В 1913 году чистый объем грузов, перевозимых судами между Южной Америкой и Европой, превышал 22,5 млн тонн. Морские перевозки между Южной и Северной Америками были приблизительно в пять раз меньше (4,4 млн тонн)».

III. Латинская Америка — поле деятельности европейского капитализма

Европа, прежде всего Англия, сама организовала эту экономику как дополнение к европейской экономике. Относительно 1913 года — времени, когда Лондон был столицей финансовой империи, во много раз превышающей размеры самой Британской империи, — Г. Феис¹⁵ оценивает объем британских инвестиций в мире в 3,7633 млрд фунтов стерлингов (около 100 млрд золотых франков). Доля Латинской Америки составляла 756 млн фунтов стерлингов (20 млрд золотых франков), то есть примерно половину тех 1,78 млрд фунтов стерлингов, которые были вложены во всю Британскую империю.

Аргентина со своими железными дорогами, огромными морозильными установками, которые были построены и использовались английскими компаниями, в 1914 году была финансовой колонией Великобритании. Капитал инвестируется с начала XX века. С 1907 по 1914 год, за время великого движения британского капитала за пределы страны, около 250 млн фунтов стерлингов ушли в Аргентину и Бразилию. Британские инвестиции в Аргентину в 1913 году (319,6 млн фунтов стерлингов) приблизительно равнялись британским инвестициям в Индию и Цейлон того же времени (378,8). Бразилия занимала вторую позицию со 148 млн, вложенными в железные доро-

¹⁵ Herbert Feis, *Europe, The World's banker*, NY, 1930.

ги, рудники и плантации кофе. Далее следовала Мексика с 99 млн, вложенными в рудники и месторождения нефти, которые Порфирио Диас раздавал за кусок хлеба. Потом шли Чили (61 млн фунтов стерлингов), Уругвай (36,1 млн), Перу (34,2 млн), Куба (33,2 млн), остальные страны Южной Америки (Боливия и прочие) получили в общем 25,5 млн фунтов стерлингов. С помощью английского капитала деловые люди Англии в самых маленьких колониях действовали одинаково. Британские подданные держали бразды управления экономикой в стране, где доминировали их капиталы. Филиалы банков лондонского Сити повсеместно руководят британскими сделками и инвестициями. Получив хорошую консультацию через сеть своих банков, английский капиталист почти всегда помещает свои фонды в первоклассные предприятия: немного в государственную ренту, относительно немного в облигации, в акции надежных и приносящих большие доходы предприятий.

Французские инвестиции во всех отношениях имели меньшее значение. Так как производство излишков капитала здесь было значительно меньше, Франция больше склонялась к размещению капиталов в Европе: 27,5 млрд золотых франков в 1914 году при общем объеме в 45 млрд. И тем не менее из 17,5 млрд французского капитала, вложенного за пределами Европы, 6 млрд приходилось на Латинскую Америку. Бесспорно, это был избирательный выбор. Помещение французского капитала в наиболее рискованные государ-

ственные инвестиции соответственно было наименьшим, так что он в меньшей степени, чем английские капиталы, способствовал превращению Латинской Америки в придаток европейского завода.

Немецкий капитал, значительно сильнее привязанный к месту мощным подъемом промышленности, был менее влиятельным за границей: 23,5 млрд марок (около 30 млрд золотых франков), 11 млрд вне Европы, из которых 3,8 млрд — в Латинской Америке (Бразилия, Чили, особенно Аргентина). С помощью инвестированных 30 млрд золотых франков великие европейские державы сумели установить контроль над экономикой континента. Эти инвестиции были небезопасны для молодых республик. Было бы долго и утомительно перечислять бесконечные дипломатические вмешательства, сопровождавшиеся вооруженной интервенцией под предлогом защиты европейских интересов.

Защита интересов маскировала иногда более широкие устремления, что доказывает война в Мексике (1862—1866), которую затеял Наполеон III. Уже в 1838 году покрытие убытков и процентов оценивалось в 3 млн золотых франков, которые требовали французские коммерсанты за потери, понесенные в 1828 году. Во время одной из бесчисленных мексиканских революций дело дошло до бомбардировки французской эскадрой крепости Сан-Хуан-де-Улья в Веракрусе. В 1839 году Франция получила для своих граждан платеж в 3 млн. Того же порядка был конфликт, стол-

кнущий в 1845—1847 годах Францию и Англию с аргентинским диктатором Росасом. Несмотря на блокаду Рио-де-Ла-Платы, обе державы на этот раз не получили требуемых репараций. Требование возмещения убытков лежало также в основе испано-перуанской войны (1864—1866).

Именно требование возмещения убытков лежит в основе франко-мексиканской войны, хотя в совершенно другом масштабе. Хуарес только что одержал победу над своими противниками-консерваторами в 1861 году. Отказываясь признать долги, которые они наделали в Европе, он навлек на свою страну коллективную интервенцию Англии, Испании и Франции, которые включили в число требований подозрительные претензии швейцарского банкира Йскера. Йекер смог купить себе поддержку Морни. Но Наполеон III смотрел намного дальше. Он разработал план экономической экспансии в Мексике, основанный на иллюзиях о богатстве этой страны и вдохновленный идеей сенсимонизма о канале, соединяющем океаны. Это был также и политический план: обманутый советами некоторых мексиканских монархистов в изгнании, он мечтал о мексиканской католической империи, вассале Франции, чтобы уравновесить в Америке влияние Соединенных Штатов. В 1862 году на побережье Мексики высадилась французская экспедиция. Испанцы и англичане отступили, и французы остались одни. Наполеон III осуществил свой план. Он посадил на трон своего клиента, Максимилиана Австрийского, но сопротивление мексиканских партизан

и угрожающая позиция Соединенных Штатов, которые только что вышли из кризиса войны за отделение, вызвали отступление французской экспедиции и крушение империи Максимилиана, расстрелянного в июне 1867 года.

В последний раз европейская держава принесла войну на территорию иберийско-американской республики. Когда в 1895 году Англия захотела удовлетворить свои территориальные притязания в ущерб интересам Венесуэлы, когда Германия, Англия и Италия захотели с помощью совместной блокады берегов Венесуэлы выразить свой протест против плохой финансовой администрации венесуэльского правительства (1902), Европа столкнулась с великой североамериканской республикой. Столкновение европейского империализма и империализма янки спасло Латинскую Америку от лап этих империалистических соперников.

Глава 3

ТРЕТИЙ ИГРОК: ДЯДЯ СЭМ

I. Условия при разделе

Соединенные Штаты Америки, будучи естественным соседом Латинской Америки, казалось, самой судьбой были предназначены оказывать влияние на латиноамериканские республики. Обе Америки, освобожденные от колониального ига в одно и то же время, прошедшие через то же горнило борьбы за независимость с интервалом в двадцать лет, казалось, сблизились на какой-то момент в первые десятилетия XIX века.

Глубоко чуждые друг другу по своей культуре — иберийской и католической, с одной стороны, англосаксонской и протестантской — с другой. Эти две части континента прожили века своей колониальной истории, будучи гораздо более отдаленными друг от друга, чем это могло бы показаться. Связанные табу колониального пакта, они пребывали в абсолютном неведении одна о другой. На заре XIX века неведение Соединен-

ных Штатов по отношению к своим соседям было полнейшим. Самое худшее: целая серия *black legend* (мрачных легенд) охлаждала заранее любые симпатии своим комплексом превосходства, неведения и презрения.

В какой-то момент показалось, что независимость разрушила искусственные барьеры, воздвигнутые колониальным прошлым между двумя Америками. Они пали под энтузиазмом креольской элиты во имя идеалов, провозглашенных тринадцатью колониями, благодаря немалой помощи, оказанной восставшим их северными соседями, и откликам в некоторых южно-американских кругах на декларацию Монро, которая беспрестанно распространялась с 1823 года и утверждала в недвусмысленных выражениях межамериканскую солидарность. Когда с 1797 по 1808 год иберийская монополия разлетелась на куски, именно Соединенные Штаты, занимавшие самое удобное место благодаря своей политике нейтралитета и своему флоту (второму в мире в эпоху клиперов), заняли здесь первое место. В 1808 году объем торговли Соединенных Штатов с испанской Америкой (30 млн долларов) решительно превосходит объем торговли Англии в том же направлении (25 млн долларов). Правда, англичане смогли занять место в Бразилии, отнять которое у них Соединенные Штаты больше века не могли и мечтать.

Но с 1822 года конъюнктура изменилась к выгоде Великобритании. В то время как объем торговли Соединенных Штатов с государствами, вышедшими из испанской империи, упал до

14 млн долларов, объем торговли с Великобританией увеличился, несмотря на общее падение товарообмена, до 30 млн долларов. В 1825 году эти цифры составили соответственно 24 и 60 млн, а в 1830 году — 20 и 32 млн. Соотношение с Бразилией с 1820 года было порядка 4:1 в пользу Великобритании (20 млн против 4,2 млн), в 1830 году — 6:1. Соединенные Штаты сохранили свое преимущество лишь в отношении Кубы ввиду ее близости. Это коммерческое влияние Великобритании как авангарда промышленной революции сопровождалось значительным экспортом капиталов (40 млн фунтов стерлингов до 1830 года). Капитал Соединенных Штатов полностью отсутствовал. Завоевание Запада поглощало все силы молодой республики. Экономика Соединенных Штатов, экспортирующая сельскохозяйственные продукты, была конкурирующей экономикой. Английская индустриальная экономика была дополнительной экономикой Латинской Америки. Первый тур выиграла Англия. Когда с появлением парохода с металлическим корпусом янки потеряли преимущество на море, североамериканский флаг и торговля до второй половины XIX века оставались на заднем плане в портах Южной Америки.

II. Вооруженные интервенции

Между тем завоевание Запада осуществилось частично в ущерб Латинской Америке.

1803 год: покупка Луизианы Наполеоном I, который заставил Испанию продать ее. Первое

отступление Латинской Америки в пользу Соединенных Штатов. 1819 год: покупка Флориды у Испании, находившейся в отчаянном положении.

Несмотря на целое законодательство, носящее запретительный характер, правительство Мексики обнаружило свое бессилие: оно не могло остановить проникновение колонистов, приехавших из Соединенных Штатов на территорию Техаса, который отделяла от бывшей Луизианы условная граница, и увлеченных общим движением на запад. В 1836 году Техас, подстрекаемый Соединенными Штатами, провозгласил свою независимость. Мексиканский диктатор Санта-Ана был разбит и захвачен в плен. 1 марта 1847 года Техас вошел в состав федеративной республики, Тейлор занял район Рио-Гранде. Разразилась война. Мексика была побеждена. 2 февраля 1848 года договор в Гваделупе-Идальго закрепило самое большое отступление Латинской Америки. Половина территории Мексики (2 млн кв. км) переходила к Соединенным Штатам. Северная граница Латинской Америки была установлена по Рио-Гранде, где она проходит и по сию пору. Но война в Мексике, по существу, лишь эпизод завоевания дикого Запада.

По мере того как граница Соединенных Штатов отодвигалась нарастающим темпом, поглощая постепенно весь Запад, это государство, вышедшее из великого кризиса войны за отделение (1861—1865), становится великой индустриальной державой и устремляется семимильными шагами по следам Европы. Внутренний рынок

становится слишком мал для национального продукта. Оставаясь самым большим импортером европейских капиталов, Соединенные Штаты, в свою очередь, начинают экспортировать капитал. Вполне естественно, что, страдая от излишков товаров и денег, великая республика старалась подчинить своих соседей на юге.

Формы североамериканского империализма различны, иногда очень грубы. Плантации сахарного тростника на Кубе и Пуэрто-Рико, на этих последних островках испанской империи, пользовались огромными инвестициями янки в конце XIX века. Американским интересам угрожало состояние неустойчивости на островах, которые регулярно сотрясали восстания против Испании. Начиная с 1895 года генерал Веилер, пытавшийся подавить новое восстание на Кубе, попадает под пристальное внимание американской прессы, поскольку с 1894 года новая та-моженная политика Испании ущемляла североамериканские интересы на острове. В качестве предлога для объявления войны Испании Соединенные Штаты использовали несчастный случай — взрыв американского броненосца *Maine* на рейде в Гаване. Побежденная Испания по Парижскому договору (8 декабря 1898 года) вынуждена была признать независимость Кубы и уступить Пуэрто-Рико и Филиппины.

III. Формы экспансии янки

Войдя во вкус после первых успехов, Соединенные Штаты пытаются установить свою

власть на всем американском средиземноморье. Это политика *big stick* («большой дубинки»). Судьба Кубы была лишь предлогом. В 1901 году поправка Плагга, принятая голосованием в Сенате, фактически превратила Кубу в протекторат Соединенных Штатов. Гаити и Сан-Доминго постигла та же участь (1916 и 1924 годы). В 1903 году Соединенные Штаты выкупили участок работ, начатых французской компанией Лессепса. Им удалось ценой невероятных усилий прорыть перешеек насквозь, открывая через Латинскую Америку великий путь для мировой торговли. Защита канала стала предлогом для интервенции. В 1903 году, в результате искусно подготовленного мятежа против Колумбии, для правого дела была создана маленькая панамская республика. За свое рождение она вынуждена была заплатить, уступая Соединенным Штатам свои суверенные права на полосу земли в 10 миль с обеих сторон канала. Неоднократные вмешательства во внутреннюю политику маленьких республик Центральной Америки, даже вооруженная интервенция в Мексику в 1914 году — таковы некоторые аспекты политики грубого вмешательства во-воиспеченного империализма янки в дела прибрежных стран американского средиземноморья. С 1914 года североамериканские торговля и капиталы играют здесь первостепенную роль.

Формы империализма янки становятся значительно более гибкими в отношении более развитых или более удаленных от их непосредственно-

го влияния государств. Соединенные Штаты первыми ввели в обращение в своей знаменитой Декларации (2 декабря 1823 года) понятие меж-американской солидарности. Боливар и его испано-американские конкуренты постоянно демонстрировали свою неспособность применить его на практике. А Соединенные Штаты сделали из него основу своих дипломатических акций. Им принадлежит заслуга политики панамериканских конференций, которые собирают то в одной, то в другой столице руководителей государств западного полушария, чтобы урегулировать мирным путем насущные проблемы и при необходимости подтвердить единство континента по отношению ко всему миру. Первая панамериканская конференция была созвана в 1889 году по инициативе Вашингтона, где она должна была состояться. За ней последовали конференции 1901, 1902, 1906, 1910, 1923, 1928 годов. При администрации Гувера (1929—1933) и, особенно, Т.-Д. Рузвельта отношения между Соединенными Штатами и Латинской Америкой приобрели более теплый оттенок. Рост влияния держав Оси и Вторая мировая война заставили Соединенные Штаты Америки задуматься о необходимости сближения со странами Латинской Америки для совместной защиты Западного полушария.

Но политика добрососедства, проводимая президентом Рузвельтом, тем не менее не давала забыть о великой политической реальности: о колонизации Латинской Америки торговлей и капиталами Северной Америки. До 1914 года

доля Соединенных Штатов в торговле Южной Америки оставалась относительно малой — 1/5 от общего объема. В 1913 году 100 млн долларов американских капиталов было вложено в Южную Америку, 100 млн долларов — в Кубу, 1,05 млрд долларов — в Мексику, единственную страну, где интересы Соединенных Штатов имели преобладающее значение (включая интервенцию 1914 года); то есть в общей сложности 1,25 млрд долларов, чуть больше 6,5 млрд золотых франков, — такой капитал был вложен в Латинскую Америку — почти исключительно в Мексику. Если сравнить это с 20 млрд золотых франков британского портфеля, то Соединенные Штаты занимают здесь самое большое лишь почетное второе место.

С началом Первой мировой войны и серьезным ударом, который она нанесла европейской экономике, доля Соединенных Штатов в Латинской Америке возрастает. В общем объеме товарообмена с различными государствами Латинской Америки Соединенные Штаты отныне занимают, значительно опережая Англию, первое место (38,7% от продаж в Латинской Америке за 1929 год против 14,9% Великобритании; 36,1% против 12,2% за 1938 год). Что касается закупок в те же годы, соответствующие показатели остаются в пользу Соединенных Штатов (34% против 18% за 1929 год; 31,7% против 16,3% за 1938). Англия взята здесь в качестве своеобразного барометра Европы. Накануне Великой депрессии общая сум-

ма капиталов янки, инвестированных в Латинскую Америку, поднимается до 4,05 млрд долларов, что составляет 37% от общих инвестиций Соединенных Штатов за границей, приблизительно столько же, сколько и у самой Англии.

Тенденция, которая наметилась в годы Первой мировой войны, еще более усиливается во время Второй. Положение Латинской Америки было драматично во всех отношениях, особенно положение Аргентины, которая до 1939 года еще жила в основном за счет европейского импорта. Английская, а затем англо-американская блокада полностью парализовала торговые отношения между Латинской Америкой и Германией, которая накануне Второй мировой войны играла роль, сопоставимую с ролью Англии. Потребности тотальной войны и страшный урон, нанесенный британскому торговому флоту войной субмарин, почти полностью остановили английский экспорт в направлении Аргентины. «Торговые перевозки Буэнос-Айреса сократились на 2/3 с 1939 по 1942 год»¹⁶. Аргентина, лишенная английского угля, использует кукурузу и пшеницу в качестве топлива. Повсеместно в течение этих лет ощущается нехватка текстиля и станков. По мере возможностей Соединенные Штаты замещали ослабленную Европу. Они достигли своих окончательных позиций. Потребности военной экономики значительно увеличили их портфель в Латинской

¹⁶ J. Chardonnet, *Gerre ou Paix?*, Paris, 1945.

Америке. Чтобы обеспечить себя сырьем, необходимым для военной экономики, они сделали весьма значительное финансовое вложение в южноамериканские рудники. В Боливии производство олова было удвоено, чтобы восполнить отсутствие поставок из Малайзии, оккупированной японцами. Производство вольфрама также возросло. Капиталы были вложены в каучуковые плантации Бразилии.

Соединенные Штаты, бесспорно, всегда являлись лучшим клиентом и самым крупным оптовиком. Отныне они становятся банкротом Латинской Америки. В конце концов, это опасная ситуация. Доказательство тому в настоящее время – политика Фиделя Кастро, который прорывает брешь в обороне Западного полушария в пользу советского империализма.

Заключение

Неужели вся эта более чем вековая история, начавшаяся с завоевания независимости, нужна была лишь для того, чтобы заменить иберийскую колонизацию колонизацией янки?

Разумеется, нет, ибо у Латинской Америки есть все козыри для великого будущего. Это ее культура, которую сама она очень высоко ценит и которую она сумела сохранить во всех областях, это то чувство культуры, которому отдают дань уважения все североамериканские историки. Мы не будем здесь называть их поименно.

Наконец, даже сама война, усилившая всестороннее влияние североамериканского капитала на южный континент, тем не менее дала Латинской Америке великий шанс на прогресс: это стало началом ее индустриализации. Несостоятельность Европы позволила некоторым латиноамериканским странам заложить основы своей национальной индустрии.

Аргентина Перона осуществила у подножия Анд создание металлургической промышленности, выдающей 350 тыс. тонн продукции.

Бразилия максимально использовала военные и послевоенные годы, чтобы заложить основу своей металлургической промышленности. В военные годы Бразилия не только довела до возможно высокого уровня производство существующего оборудования, вокруг Белу-Оризонти, но и завершила создание своего Магнитогорска — гигантских сталелитейных заводов Волта-Редонда, планы ко-

торого были представлены на рассмотрение и утверждение правительства Бразилии с 1940 года инженерами *Mac Kee Corporation*. Сдача в эксплуатацию была запланирована на 1945 год, но осуществлена в 1946-м. Настоящее чудо техники. Расположенные на берегах Паранагуа, на пересечении железных дорог Рио-Сан-Паулу и Рио-Белу-Оризонти, сталелитейные заводы Волта-Редонда в настоящее время стали символом, подобным находящимся в другом месте Днепрострою и Енисейску. И хотя заводам Волта-Редонда не хватает кокса, в их распоряжении имеются огромные резервы железной руды месторождения Минас-Жерайса, второго (после СССР) по количеству и, возможно, первого по качеству.

Начиная с 1948 года надежды военного и послевоенного периода оправдываются. Латинская Америка с 1962 года становится одной из горячих точек планеты. С 1913 по 1929 год средняя величина годового прироста внутреннего валового продукта составляла около 2,8% (1% на душу населения). Вначале с 1929 по 1952 год и впоследствии с 1952 по 1957 год эта величина значительно возрастает (3,5%, затем 6,2% в общей сложности; 1,4% и 3,6% на душу населения, учитывая самую большую демографическую экспансию в мире, когда-либо отмеченную). Латинская Америка медленно отрывается от слабо-развитых стран.

Вначале с 1957-го и, особенно, с 1963 года все стремительно падает, хотя демография здесь ни при чем. С 1966-1967 годов начинается новый

подъем. С 1970 года прирост, кажется, снова начинает приобретать темп благоприятных лет. И все же Латинская Америка сегодня, как и вчера, по населенности остается на очень низком уровне, не предполагающем действительных взаимоотношений человека и пространства. Латинскоамериканский континент, насчитывавший 20 млн человек в начале XX века, к середине 70-х годов XX века достиг 330 млн. А необходимо по крайней мере в два раза больше. При современном темпе численность населения в 600 млн человек может быть достигнута к 2000 году. Но строить подобные прогнозы нужно осторожно. В 1976 году Латинская Америка еще не охвачена новой волной жизни, которая постепенно поднимается повсюду с 1968 – 1969 годов. С недавнего времени на Карибах, а чуть позже в Мексике проявляются первые признаки уменьшения скорости. И только краткосрочные прогнозы могут быть более или менее верными. И так, взлет 1940 – 1950-х годов внезапно закончился. С 1963 года градиенты экономического роста Латинской Америки упали даже ниже градиентов бедной и многонаселенной Азии.

Эта самотормозящая эволюция, эта неспособность достичь повсеместно уровня непрерывного прироста являются одновременно причиной и следствием хаоса в социальном положении и успехов партизан Кастро и Че Гевары на всем континенте. Негибкость структур, посредственность аппарата, предназначенного для передачи и приумножения знаний, а также пе-

благоприятная конъюнктура. Весь просвещенный мир, втянутый в компьютерную революцию, отвернулся от континента нищеты, волнений — как итог низкая рентабельность. Что это? Длительный срыв? Проходящий кризис, кризис роста?

Нет больше истории Латинской Америки, но есть история людей Латинской Америки. Кризис латиноамериканского континента — это прежде всего кризис роста. Развитие требует людей. Латинская Америка их производит и, к счастью, дает им образование. Развитие предполагает диффузию, так сказать, научной культуры, преимущественно математической. Вопреки пословице, природа, может быть, делает скачки. Природа — может быть, но не история. Нельзя прорубить короткую дорогу через лес. Можно сократить время этапов, но они все должны быть преодолены. Латиноамериканский континент входит в кризис. Трудно оценить его размах и предвидеть его длительность. На какое-то время останется инерция прежних конфликтов.

Начиная с 1995 года мало что можно добавить. Латинская Америка стремится к самоупи-чтожению, как и половина планеты. Многие участки уже перестали воспроизводить население. Эта тенденция замаскирована общим старением населения. По всей видимости, континент собирается следовать итальянской и испанской модели.

Содержание

<i>Введение. Встреча двух миров</i>	3	
Часть первая. Колониальная		
Латинская Америка (1492–1808)	9	
Глава 1. Век конкистадоров (1492– 1550)	13	
Глава 2. Обустройство завоеванных территорий	29	
Глава 3. Экономика и общество	47	
Часть вторая. Крах системы независимости Латинской Америки		67
Глава 1. Причины	69	
Глава 2. Крах	81	
Глава 3. Панама. Поражение Боливара. Триумф раздробленности	103	
Часть третья. Латинская Америка свободна? От колонизации иберийской к колонизации		
янки	105	
Глава 1. Внутриполитические трудности	112	
Глава 2. Европейское влияние	131	
Глава 3. Третий игрок: дядя Сэм	144	
<i>Заключение</i>	154	

Научно-популярное издание

**ПЬЕР ШОНИЮ
ИСТОРИЯ
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ**

Редактор *Е. Головина*
Выпускающий редактор *И. Шевченко*
Художественный редактор *С. Сакнень*
Технический редактор *И. Овчинникова*
Корректор *К. Норминский*
Оператор компьютерной верстки *С. Григорьева*

Подписано в печать 19.06.08. Формат 76x100¹/₃₂.
Гарнитура «PetersburgС». Усл. печ. л. 7,0.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 8912.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953004 – литература научная и производственная

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

ООО «Издательство Астрель».
129085, Москва, проезд Ольминского, д. За

ООО «Издательство АСТ».
141100, Россия, Московская область,
г. Щелково, ул. Заречная, д. 96.
www.ast.ru, astpub@aha.ru

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

Издательская группа АСТ

КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

**НАШИ КНИГИ ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ**

буква

в Москве:

- м. Бауманская, ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. Каховская, Чонгарский б-р., д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. Китай-город, ул. Моросвейка, д. 4/2, стр. 1, т. (495) 624-37-33 (30-34)
- м. Коломенское, ТЦ пр. Андропова, вл. 25, т. (499) 612-60-31
- м. Комьково, ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. Новые Черемушки, ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, т. (495) 739-63-52
- м. Парк Культуры, Зубовский б-р, 17, т. (495) 246-99-76
- м. Перово, ул. 2-я Владимирская, 52, т. (495) 306-18-97
- м. Петровско-Разумовская, ТК «ХЛ», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. Преображенская площадь, ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. Сокол, ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, т. (495) 781-40-76
- м. Тимирязевская, Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. Университет, Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. Царицыно, ул. Лутанская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. Щелковская, ул. Уральская, д. 2
- м. Щукинская, ТЦ «Щука», ул. Щукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- Московская область, г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10

в регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Екатеринбург, ТРК «Парк Хаус», ул. Сулимова, д. 50, т. (343) 216-55-02
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, т. (3412) 90-38-31
- г. Краснодар, ТЦ «Красная площадь», ул. Дзержинского, д. 100, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- г. Курск, ул. Радничева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- г. Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- г. Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- г. Новосибирск, ТЦ «Мега», ул. Ватутина, д. 44, т. (383) 230-12-91
- г. Пермь, ТЦ «7 пятниц», ул. Революции, д. 60/1, т. (342) 233-40-49
- г. Ростов, ТЦ «Мега», Новочеркасское ш., д. 33, т. (863) 265-83-34
- г. Самара, ТЦ «Космопорт», ул. Дыбенко, д. 30
- г. Санкт-Петербург, ТЦ «Академический», Гражданский пр., д. 41, т. (812) 380-17-84
- г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 185, т. (812) 766-22-88
- г. Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22

Книги издательской группы АСТ Вы можете также заказать и получить по почте
в любом уголке России.

Пишите: 107140, Москва, а/я 140. Звоните: (495) 744-29-17
ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

МЫ ИЗДАЕМ НАС УЮЩИЕ КНИГИ

*Университетская библиотека —
это серия книг для учебных заведений
по всем основным областям знаний.
Все книги серии написаны ведущими
специалистами в своих областях*

В книге известного французского историка Школы анналов представлена история такого обширного региона, как Латинская Америка, от эпохи конкистадоров до послевоенной эпохи XX века. Кратко и наглядно показаны этапы ее драматического прошлого и тенденции развития, которые читатель, со своей современной позиции, может соотнести с реально осуществившимися фактами

Пьер Шоню —
член Академии, заслуженный профессор
Университета Сорбонна — Париж 4

ISBN 978-5-17-054734-0

9 785170 547340